

Ч А Р Л З

ДИККЕНС

*ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ОЛИВЕРА ТВИСТА*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Чарльз Диккенс

Приключения Оливера Твиста

«Издательство АСТ»

1838

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Диккенс Ч.

Приключения Оливера Твиста / Ч. Диккенс — «Издательство АСТ», 1838 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-113039-8

Оливер Твист — герой одного из лучших произведений не только британской, но и мировой литературы — начал свое триумфальное шествие по миру в 1837 году и не прекращает его по сей день. 19 экранизаций, бесчисленное количество инсценировок, один из прекраснейших мюзиклов в истории жанра — захватывающие приключения одинокого мальчика, волею судьбы заброшенного на самое дно жизни, в мир воров и убийц, и сейчас вдохновляют на создание все новых и новых произведений искусства. Колоритная, сочная галерея обитателей криминального лондонского мира, с его лихими и беспощадными бандитами, зловещими скупщиками краденого, озорными мальчишками-карманниками и по-матерински добрыми к этим «воробушкам» грязных мостовых воровскими подругами, способна заморозить как юного, так и взрослого читателя. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-113039-8

© Диккенс Ч., 1838

© Издательство АСТ, 1838

Содержание

Предисловие	5
Глава I	7
Глава II	9
Глава III	15
Глава IV	21
Глава V	26
Глава VI	33
Глава VII	36
Глава VIII	40
Глава IX,	45
Глава X	49
Глава XI	52
Глава XII,	57
Глава XIII	63
Глава XIV,	68
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Чарлз Диккенс

Приключения Оливера Твиста

Предисловие

В свое время сочли грубым и непристойным, что я выбрал некоторых героев этого повествования из среды самых преступных и деградированных представителей лондонского населения.

Не видя никакой причины, в пору писания этой книги, почему подонки общества (поскольку их речь не оскорбляет слуха) не могут служить целям моральным в той же мере, как его пена и сливки, — я дерзнул верить, что это самое «свое время» может и не означать «во все времена» или даже «долгое время». У меня были веские причины избрать подобный путь. Я читал десятки книг о ворах: славные ребята (большей частью любезные), одеты безукоризненно, кошелёк туго набит, знатоки лошадей, держат себя весьма самоуверенно, преуспевают в галантных интригах, мастера петь песни, распить бутылку, сыграть в карты или кости — прекрасное общество для самых достойных. Но я нигде не встречался (исключая — Хогарта) с жалкой действительностью. Мне казалось, что изобразить реальных членов преступной шайки, нарисовать их во всем их уродстве, со всей их гнусностью, показать убогую, нищую их жизнь, показать их такими, каковы они на самом деле, — вечно крадутся они, охваченные тревогой, по самым грязным тропам жизни, и куда бы ни взглянули, везде маячит перед ними большая черная страшная виселица, — мне казалось, что это необходимо и что сослужит службу обществу. И я это исполнил в меру моих сил.

Во всех известных мне книгах, где изображены подобные типы, они всегда чем-то прельщают и соблазняют. Даже в «Опере нищего» жизнь воров изображена так, что, пожалуй, ей можно позавидовать: капитан Макхит, окруженный соблазнительным ореолом власти и завоевавший преданную любовь красивейшей девушки, единственной безупречной героини в пьесе, вызывает у слабовольных зрителей такое же восхищение и желание ему подражать, как и любой обходительный джентльмен в красном мундире, который, по словам Вольтера, купил право командовать двумя-тремя тысячами человек и так храбр, что не боится за их жизнь. Вопрос Джонсона, станет ли кто-нибудь вором, потому что смертный приговор Макхиту был отменен, — кажется мне не относящимся к делу. Я же спрашиваю себя, помешает ли кому-нибудь стать вором то обстоятельство, что Макхит был приговорен к смерти и что существуют Пичум и Локит. И, вспоминая бурную жизнь капитана, его великолепную внешность, огромный успех и великие достоинства, я чувствую уверенность, что ни одному человеку с подобными же наклонностями не послужит капитан предостережением и ни один человек не увидит в этой пьесе ничего, кроме усыпанной цветами дороги, хоть она с течением времени и приводит почтенного честолобца к виселице.

В самом деле, Гэй высмеивал в своей остроумной сатире общество в целом и, занятый более важными вопросами, не заботился о том, какое впечатление произведет его герой. То же самое можно сказать и о превосходном, сильном романе сэра Эдуарда Бульвера «Поль Клиффорд», который никак нельзя считать произведением, имеющим отношение к затронутой мною теме, автор и сам не ставил перед собой подобной задачи.

Какова же изображенная на этих страницах жизнь, повседневная жизнь вора? В чем ее очарование для людей молодых и с дурными наклонностями, каковы ее соблазны для самых тупоумных юнцов? Нет здесь ни скачек галопом по вересковой степи, залитой лунным светом, ни веселых пирушек в уютной пещере, нет ни соблазнительных нарядов, ни галунов, ни кружев, ни ботфуртов, ни малиновых жилетов и рукавичков, нет ничего от того бахвальства и

той вольности, какими с незапамятных времен приукрашивали «большую дорогу». Холодные, серые, ночные лондонские улицы, в которых не найти пристанища; грязные и вонючие логовища – обитель всех пороков; притоны голода и болезни; жалкие лохмотья, которые вот-вот рассыплются, – что в этом соблазнительного?

Однако иные люди столь утонченны от природы и столь деликатны, что не в силах созерцать подобные ужасы. Они не отворачиваются инстинктивно от преступления, нет, но преступник, чтобы прийти к им по вкусу, должен быть, подобно кушаньям, подан с деликатной приправой. Какой-нибудь Макарони в зеленом бархате – восхитительное создание, ну а Сайкс в бумазейной рубашке невыносим! Какая-нибудь миссис Макарони – особа в короткой юбочке и маскарадном костюме – заслуживает того, чтобы ее изображали в живых картинах и на литографиях, украшающих популярные песенки; ну а Нэнси – существо в бумажном платье и дешевой шали – недопустима! Удивительно, как отворачивается Добродетель от грязных чулок и как Порок, сочетаясь с лентами и ярким нарядом, меняет, подобно замужним женщинам, свое имя и становится Романтикой.

Но одна из задач этой книги – показать суровую правду, даже когда она выступает в обличье тех людей, которые столь превознесены в романах, а посему я не утаил от своих читателей ни одной дырки в сюртуке Плута, ни одной папилютки в растрепанных волосах Нэнси. Я совсем не верил в деликатность тех, которым не под силу их созерцать. У меня не было ни малейшего желания завоевать сторонников среди подобных людей. Я не питал уважения к их мнению, хорошему или плохому, не добивался их одобрения и не для их развлечения писал.

О Нэнси говорили, что ее преданная любовь к свирепому грабителю кажется неестественной. И в то же время возражали против Сайкса, – довольно непоследовательно, как смею я думать, – утверждая, будто краски сгущены, ибо в нем нет и следа тех искупающих качеств, против которых возражали, находя их неестественными в его любовнице. В ответ на последнее возражение замечу только, что, как я опасаюсь, на свете все же есть такие бесчувственные и бессердечные натуры, которые окончательно и безнадежно испорчены. Как бы там ни было, я уверен в одном: такие люди, как Сайкс, существуют, и если пристально следить за ними на протяжении того же периода времени и при тех же обстоятельствах, что изображены в романе, они не обнаружат ни в одном своем поступке ни малейшего признака добрых чувств. То ли всякое, более мягкое человеческое чувство в них умерло, то ли заржавела струна, которой следовало коснуться, и трудно ее найти – об этом я не берусь судить, но я уверен, что дело обстоит именно так.

Бесполезно спорить о том, естественны или неестественны поведение и характер девушки, возможны или невозможны, правильны или нет. Они – сама правда. Всякий, кто наблюдал эти печальные тени жизни, должен это знать. Начиная с первого появления этой жалкой несчастной девушки и кончая тем, как она опускает свою окровавленную голову на грудь грабителя, здесь нет ни малейшего преувеличения или натяжки. Это святая правда, ибо эту правду Бог оставляет в душах развращенных и несчастных; надежда еще тлеет в них; последняя чистая капля воды на дне заросшего тиной колодца. В ней заключены и лучшие, и худшие стороны нашей природы – множество самых уродливых ее свойств, но есть и самые прекрасные; это – противоречие, аномалия, кажущиеся невозможными, но это – правда. Я рад, что в ней усомнились, ибо, если бы я нуждался в подтверждении того, что эту правду нужно сказать, последнее обстоятельство вдохнуло бы в меня эту уверенность.

В тысяча восемьсот пятидесятом году один чудак-олдермен во всеуслышание заявил в Лондоне, что острова Джекоба нет и никогда не было. Но и в тысяча восемьсот шестьдесят седьмом году остров Джекоба (по-прежнему место незавидное) продолжает существовать, хотя значительно изменился к лучшему.

Глава I

повествует о месте, где родился Оливер Твист, и обстоятельствах, сопутствовавших его рождению

Среди общественных зданий в некоем городе, который по многим причинам благоразумнее будет не называть и которому я не дам никакого вымышленного наименования, находится здание, издавна встречающееся почти во всех городах, больших и малых, именно – рабочий дом. И в этом рабочем доме родился, – я могу себя не утруждать указанием дня и числа, так как это не имеет никакого значения для читателя, во всяком случае, на данной стадии повествования, – родился смертный, чье имя предшествует началу этой главы.

Когда приходский врач ввел его в сей мир печали и скорбей, долгое время казалось весьма сомнительным, выживет ли ребенок, чтобы получить какое бы то ни было имя; по всей вероятности, эти мемуары никогда не вышли бы в свет, а если бы вышли, то заняли бы не более двух-трех страниц и благодаря этому бесценному качеству являли бы собою самый краткий и правдивый образец биографии из всех сохранившихся в литературе любого века или любой страны.

Хотя я не склонен утверждать, что рождение в рабочем доме само по себе самая счастливая и завидная участь, какая может выпасть на долю человека, тем не менее я полагаю, что при данных условиях это было наилучшим для Оливера Твиста. Потому что весьма трудно было добиться, чтобы Оливер Твист взял на себя заботу о своем дыхании, а это занятие хлопотливое, хотя обычай сделал его необходимым для нашего безболезненного существования. В течение некоторого времени он лежал, задыхающийся, на шерстяном матрасике, находясь в неустойчивом равновесии между этим миром и грядущим и решительно склоняясь в пользу последнего. Если бы на протяжении этого короткого промежутка времени Оливер был окружен заботливыми бабушками, встревоженными тетками, опытными сиделками и премудрыми докторами, он неизбежно и несомненно был бы загублен. Но так как никого поблизости не было, кроме нищей старухи, у которой голова затуманилась от непривычной порции пива, и приходского врача, исполнявшего свои обязанности по договору, Оливер и Природа вдвоем выиграли битву. В результате Оливер после недолгой борьбы вздохнул, чихнул и возвестил обитателям рабочего дома о новом бремени, ложившемся на приход, испустив такой громкий вопль, какой только можно было ожидать от младенца мужского пола, который три с четвертью минуты назад получил сей весьма полезный дар – голос.

Как только Оливер обнаружил это первое доказательство надлежащей и свободной деятельности своих легких, лоскутное одеяло, небрежно брошенное на железную кровать, зашевелилось, бледное лицо молодой женщины приподнялось с подушки и слабый голос невнятно произнес:

– Дайте мне посмотреть на ребенка – и умереть.

Врач сидел у камина, согревая и потирая ладони. Когда заговорила молодая женщина, он встал и, подойдя к изголовью, сказал ласковее, чем можно было от него ждать:

– Ну, вам еще рано говорить о смерти!

– Конечно, Боже избавь! – вмешалась сиделка, торопливо засовывая в карман зеленую бутылку, содержимое которой она с явным удовольствием смаковала в углу комнаты. – Боже избавь! Вот когда она проживет столько, сколько прожила я, сэр, да произведет на свет тридцать ребят, и из них останутся в живых двое, да и те будут с нею в рабочем доме, вот тогда она образумится и не будет принимать все близко к сердцу!... Подумайте, милая, о том, что значит быть матерью! Какой у вас милый ребеночек!

По-видимому, эта утешительная перспектива материнства не произвела надлежащего впечатления. Больная покачала головой и протянула руку к ребенку.

Доктор передал его в ее объятия. Она страстно прижалась холодными, бледными губами к его лбу, провела рукой по лицу, дико осмотрелась вокруг, вздрогнула, откинулась назад... и умерла. Ей растирали грудь, руки и виски, но сердце остановилось навеки. Что-то говорили о надежде и успокоении. Но этого она давно уже не ведала.

– Все кончено, миссис Тингами! – сказал наконец врач.

– Да, все кончено. Ах, бедняжка! – подтвердила сиделка, подхватывая пробку от зеленой бутылки, упавшую на подушку, когда она наклонилась, чтобы взять ребенка. – Бедняжка!

– Вам незачем посылать за мной, если ребенок будет кричать, – сказал врач, медленно натягивая перчатки. – Очень возможно, что он окажется беспокойным. В таком случае дайте ему жидкой каши. – Он надел шляпу, направился к двери и, приостановившись у кровати, добавил: – Миловидная женщина... Откуда она пришла?

– Ее принесли сюда вчера вечером, – ответила старуха, – по распоряжению надзирателя. Ее нашли лежащей на улице. Она пришла издалека, башмаки у нее совсем истоптаны, но откуда и куда она шла – никто не знает.

Врач наклонился к покойнице и поднял ее левую руку.

– Старая история, – сказал он, покачивая головой. – Нет обручального кольца... Ну, спокойной ночи!

Достойный медик отправился обедать, а сиделка, еще раз приложившись к зеленой бутылке, уселась на низкий стул у камина и принялась облачать младенца.

Каким превосходным доказательством могущества одеяния явился юный Оливер Твист! Закутанный в одеяло, которое было доселе единственным его покровом, он мог быть сыном дворянина и сыном нищего; самый родовитый человек едва ли смог бы определить подобающее ему место в обществе. Но теперь, когда его облачили в старую коленкоровую рубашонку, пожелтевшую от времени, он был отмечен и снабжен ярлыком и сразу занял свое место – приходского ребенка, сироты из работного дома, смиренного голодного бедняка, проходящего свой жизненный путь под градом ударов и пощечин, презираемого всеми и нигде не встречающего жалости.

Оливер громко кричал. Если бы мог он знать, что он сирота, оставленный на милосердное попечение церковных старост и надзирателей, быть может, он кричал бы еще громче.

Глава II

повествует о том, как рос, воспитывался и как был вскормлен Оливер Твист

В течение следующих восьми или десяти месяцев Оливер был жертвой системы вероломства и обманов. Его кормили из рожка. О голодном малютке-сироте, лишенном самого необходимого, власти работного дома доложили надлежащим образом приходским властям. Приходские власти с достоинством запросили властей работного дома о том, нет ли какой-нибудь особы женского пола, проживающей в доме, которая могла бы доставить Оливеру Твисту утешение и питание, столь для него необходимые. На это власти работного дома ответили, что такой особы нет. Тогда приходские власти великодушно и человечно порешили, что Оливера следует поместить «на ферму», или, иными словами, препроводить его в отделение работного дома, находившееся на расстоянии примерно трех миль, где от двадцати до тридцати других юных нарушителей закона о бедных копошились по целым дням на полу, не страдая от избытка пищи или одежды, под материнским надзором пожилой особы, которая принимала к себе этих преступников за семь с половиной пенсов с души. Семь с половиной пенсов в неделю – недурная сумма на содержание ребенка; немало можно приобрести на семь с половиной пенсов – вполне достаточно, чтобы переполнить желудок и вызвать неприятные последствия. Пожилая особа женского пола была человеком разумным и опытным – она знала, что идет на пользу детям. И она в совершенстве постигла, что идет на пользу ей самой. Поэтому большую часть еженедельной стипендии она оставляла себе, а подрастающему приходскому поколению уделяла значительно меньшую долю, чем та, которая была ему назначена. Иными словами, она открыла в бездонных глубинах еще большую глубину, проявив себя великим философом.

Всем известна история другого философа, который измыслил знаменитую теорию о том, что лошадь может существовать без пищи, и столь успешно доказал ее, что довел ежедневную порцию пищи, получаемую его собственной лошастью, до одной соломинки; несомненно, он сделал бы ее чрезвычайно горячим и резвым животным, если бы она не пала за сутки до того дня, как ей предстояло перейти на отменную порцию воздуха. К несчастью для экспериментальной философии той женщины, чьим заботам и покровительству был поручен Оливер Твист, к таким же результатам обычно приводило применение ее системы; потому что в ту самую минуту, когда дитя научалось поддерживать в себе жизнь ничтожной долей самой непитательной пищи, по превратности судьбы, в восьми с половиной случаях из десяти, оно или заболело от голода и холода, или по недосмотру падало в огонь, или погибало от удушья. В любом из этих случаев несчастный малютка отправлялся в иной мир, чтоб там соединиться со своими родителями, коих он не ведал в этом.

Иной раз, когда производилось особо строгое следствие о приходском ребенке, за которым недосмотрели, а он опрокинул на себя кровать, или которого неумышленно обварили насмерть во время стирки белья – впрочем, последнее случалось не часто, ибо все хоть сколько-нибудь напоминающее стирку было редким событием на ферме, – присяжным иной раз приходило в голову задавать неприятные вопросы, а прихожане возмущались и подписывали протест. Но эти дерзкие выступления тотчас же пресекались в корне после показания врача и свидетельства бидла; первый всегда вскрывал труп и ничего в нем не находил – это было в высшей степени правдоподобно, а второй неизменно показывал под присягой все, что было угодно приходу, – это было в высшей степени благочестиво. Вдобавок члены совета регулярно посещали ферму и накануне всегда посылали бидла известить о своем прибытии. Когда они приезжали, дети были милы и опрятны, а можно ли требовать большего!

Нельзя ожидать, чтобы такая система воспитания на ферме давала какой-нибудь необычайный или богатый урожай. И в тот день, когда Оливеру Твисту исполнилось девять лет, он был бледным, чахлым ребенком, малорослым и несомненно тощим. Но природа заронила добрые семена в грудь Оливера, и они развивались себе на свободе, чему весьма способствовала скудная диета, принятая в учреждении. И быть может, этому обстоятельству Оливер был обязан тем, что увидел день, когда ему минуло девять лет.

Как бы там ни было, но это был день его рождения, и он проводил его в погребке для угля – в избранном обществе двух юных джентльменов, которые, разделив с ним основательную порку, были посажены под замок за то, что дерзко осмелились заявить, будто они голодны, – как вдруг миссис Манн, славная леди, возглавляющая это учреждение, была потрясена внезапным появлением мистера Бамбла, бидла, который старался открыть калитку в воротах сада.

– Господи помилуй! Это вы, мистер Бамбл? – воскликнула миссис Манн, высовывая голову из окна и искусно притворяясь чрезвычайно обрадованной. – (Сьюзен, приведите наверх Оливера и тех двух мальчишек и сейчас же их вымойте!) Ах, Боже мой! Мистер Бамбл, как я рада вас видеть!

Мистер Бамбл был человек дородный и раздражительный; вместо того чтобы должным образом ответить на это «чистосердечное» приветствие, он отчаянно тряхнул калитку, а затем угостил ее таким пинком, какого можно было ждать только от ноги бидла.

– Ах, Боже мой! – вскричала миссис Манн, выбежав из дому, ибо три мальчика были к тому времени доставлены наверх. – Подумать только! Как же это я могла позабыть о том, что из-за наших милых ребят калитка заперта изнутри! Войдите, сэр, прошу вас, войдите, мистер Бамбл, войдите, сэр!

Хотя это приглашение сопровождалось реверансом, который мог растрогать сердце церковного старосты, оно отнюдь не смягчило бидла.

– Неужели, миссис Манн, вы считаете почтительным или пристойным, – осведомился мистер Бамбл, сжимая свою трость, – заставлять приходских должностных лиц ждать у садовой калитки, когда они являются сюда по приходским делам, связанным с приходскими сиротами? Известно ли вам, миссис Манн, что вы, так сказать, выборное лицо прихода и получаете жалованье?

– Право же, мистер Бамбл, я только сообщила кое-кому из наших милых деток, которые вас так любят, что это вы пришли, – с большим смирением ответила миссис Манн.

Мистер Бамбл был высокого мнения о своем ораторском даровании и о своей значительности. Он выказал первое и утвердил второе. Он смягчился.

– Ладно, миссис Манн, – ответил он более спокойным тоном, – быть может, и так. Войдемте в дом, миссис Манн. Я пришел по делу и должен вам кое-что сообщить.

Миссис Манн ввела бидла в маленькую гостиную с кирпичным полом, подала ему стул и услужливо положила перед ним на стол его треуголку и трость. Мистер Бамбл вытер со лба пот, выступивший после прогулки, бросил самодовольный взгляд на треуголку и улыбнулся. Да, он улыбнулся. Бидлы, в конце концов, тоже люди, и мистер Бамбл улыбнулся.

– А теперь не обижайтесь на то, что я вам скажу, – заметила миссис Манн с чарующей любезностью. – Вы совершили, знаете ли, большую прогулку, иначе я бы не стала об этом упоминать. Мистер Бамбл, не выпьете ли вы капельку?..

– Ни капли! Ни капли! – сказал мистер Бамбл, махнув правой рукой с достоинством, но благодушно.

– Я думаю, все-таки можно выпить, – сказала миссис Манн, отметив про себя тон отказа и жест, его сопровождавший. – Одну капельку, и немножко холодной воды и кусочек сахара.

Мистер Бамбл кашлянул.

– Только одну капельку, – убеждала миссис Манн.

– Капельку чего именно? – осведомился бидл.

– Того самого, что я обязана держать в доме для милых малюток, чтобы подбавлять в эликсир Даффи, когда они нездоровы, мистер Бамбл, – ответила миссис Манн, открывая буфет и доставая бутылку и стакан. – Это джин. Я не хочу вас обманывать, мистер Бамбл. Это джин.

– Вы даёте детям Даффи, миссис Манн? – спросил Бамбл, следя глазами за интересной процедурой приготовления смеси.

– Да благословит их Бог, даю, хотя это и дорого стоит, – ответила воспитательница. – Знаете ли, сэр, я не могу видеть, как они страдают у меня на глазах.

– Вот именно, – одобрительно сказал мистер Бамбл, – не можете. Вы добрая женщина, миссис Манн. – Она поставила стакан на стол. – Я воспользуюсь первым удобным случаем, чтобы доложить об этом совету, миссис Манн. – Он придвинул к себе стакан. – У вас материнские чувства, миссис Манн. – Он размешал джин с водой. – Я... я с удовольствием выпью за ваше здоровье, миссис Манн.

И он залпом выпил полстакана.

– А теперь к делу, – продолжал бидл, доставая кожаный бумажник. – Ребенку Твисту, которого окрестили Оливером, исполнилось сегодня девять лет.

– Да благословит его Бог! – вставила миссис Манн, докрасна растирая себе левый глаз кончиком передника.

– И несмотря на предложенную награду в десять фунтов, которая затем была увеличена до двадцати фунтов, несмотря на чрезвычайные и, я бы сказал, сверхъестественные усилия со стороны прихода, – продолжал Бамбл, – нам так и не удалось узнать, кто его отец, а также местожительство, имя и звание его матери.

Миссис Манн с изумлением воздела руки, но после недолгого раздумья спросила:

– Как же тогда он вообще получил какую-то фамилию?

Бидл горделиво выпрямился и сказал:

– Это я придумал.

– Вы, мистер Бамбл?

– Я, миссис Манн. Мы даем фамилии нашим питомцам в алфавитном порядке. Последний был на букву С – я его называл Суобл. Этот был на букву Т – его я называл Твист. Следующий будет Унуин, затем Филиппс. Я придумал фамилии до конца алфавита и, когда мы дойдем до буквы Z, снова начну сначала.

– Да ведь вы настоящий писатель, сэр! – воскликнула миссис Манн.

– Ну-ну! – сказал бидл, явно польщенный комплиментом. – Может быть, и так... Может быть, и так, миссис Манн. – Он допил джин с водой и прибавил: – Так как Оливер теперь подросток и не может оставаться здесь, совет решил отправить его обратно в работный дом. Я пришел сам, чтобы отвести его туда. Покажите-ка мне его поскорее.

– Я сейчас же его приведу, – сказала миссис Манн, выходя из комнаты.

Оливер, освободившись к тому времени от того верхнего слоя грязи, покрывавшей его лицо и руки, какой можно было соскрести за одно умывание, был введен в комнату своей милостивой покровительницей.

– Поклонись джентльмену, Оливер, – сказала миссис Манн.

Оливер отвесил поклон, предназначавшийся как бидлу на стуле, так и треуголке на столе.

– Хочешь пойти со мной, Оливер? – величественно спросил мистер Бамбл.

Оливер готов был сказать, что очень охотно уйдет отсюда с кем угодно, но, подняв глаза, встретил взгляд миссис Манн, которая поместилась за стулом бидла и с разъяренной физиономией грозила ему кулаком. Он сразу понял намек – кулак слишком часто оставлял отпечатки на его теле, чтобы не запечатлеться глубоко в памяти.

– А она пойдет со мной? – спросил бедный Оливер.

– Нет, она не может пойти, – ответил мистер Бамбл. – Но иногда она будет тебя навещать.

Это было не очень большим утешением для мальчика. Однако как ни был он мал, у него хватило ума притвориться, будто он с большим сожалением покидает эти места. Ему совсем нетрудно было прослезиться, голод и дурное обращение – великие помощники в тех случаях, когда вам нужно заплакать. И Оливер плакал и в самом деле очень натурально. Миссис Манн подарила ему тысячу поцелуев и – в этом Оливер нуждался гораздо больше – кусок хлеба с маслом, чтобы он не показался чересчур голодным, когда придет в рабочий дом.

С ломтем хлеба в руке и в коричневой приходской шапочке Оливер был уведен мистером Бамблом из гнусного дома, где ни одно ласковое слово, ни один ласковый взгляд ни разу не озарили его унылых младенческих лет. И все же детское его горе было глубоко, когда за ним закрылись ворота коттеджа. Как ни были жалки его маленькие товарищи по несчастью, которых он покидал, – это были единственные его друзья. И сознание своего одиночества в великом, необъятном мире впервые проникло в сердце ребенка.

Мистер Бамбл шел большими шагами; маленький Оливер, крепко ухватившись за его обшитый золотым галуном обшлаг, рысцой бежал рядом с ним и через каждую четверть мили спрашивал: «Далеко ли еще?» На эти вопросы мистер Бамбл давал очень короткие и резкие ответы, так как недолговечная приветливость, какую пробуждает в иных сердцах джин с водой, к тому времени испарилась, и он снова стал бидлом.

Оливер пробыл в стенах рабочего дома не более четверти часа и едва успел покончить со вторым ломтем хлеба, как мистер Бамбл, оставивший его на попечение какой-то старухи, вернулся и, рассказав о происходившем в тот вечер заседании совета, объявил ему, что, по желанию совета, он должен немедленно предстать перед ним.

Не имея достаточно ясного представления о том, что такое совет, Оливер был ошеломлен этим сообщением и не знал, смеяться ему или плакать. Впрочем, ему некогда было об этом раздумывать, так как мистер Бамбл ударил его тростью по голове, чтобы расшевелить, и еще раз по спине, чтобы подбодрить, и, приказав следовать за собой, повел его в большую, выбеленную известкой комнату, где сидели вокруг стола восемь или десять толстых джентльменов.

Во главе стола восседал в кресле, более высоком, чем остальные, чрезвычайно толстый джентльмен с круглой красной физиономией.

– Поклонись совету, – сказал Бамбл.

Оливер смахнул две-три еще не высохшие слезинки и, видя перед собой стол, по счастью, поклонился ему.

– Как тебя зовут, мальчик? – спросил джентльмен, восседавший в высоком кресле.

Оливер испугался стольких джентльменов, приводивших его в трепет, а бидл угостил его сзади еще одним пинком, который заставил его расплакаться. По этим двум причинам он ответил очень тихо и нерешительно, после чего джентльмен в белом жилете обозвал его дураком, сразу развеселился и пришел в прекрасное расположение духа.

– Мальчик, – сказал джентльмен в высоком кресле, – слушай меня. Полагаю, тебе известно, что ты сирота?

– Что это такое, сэр? – спросил бедный Оливер.

– Мальчик – дурак! Я так и думал, – сказал джентльмен в белом жилете.

– Тише! – сказал джентльмен, который говорил первым. – Тебе известно, что у тебя нет ни отца, ни матери и что тебя воспитал приход, не так ли?

– Да, сэр, – ответил Оливер, горько плача.

– О чем ты плачешь? – спросил джентльмен в белом жилете.

И в самом деле – очень странно! О чем мог плакать этот мальчик?

– Надеюсь, ты каждый вечер читаешь молитву, – суровым голосом сказал другой джентльмен, – и молишься – как надлежит христианину – за тех, кто тебя кормит и о тебе заботится?

– Да, сэр, – заикаясь ответил мальчик.

Джентльмен, говоривший последним, сам того не сознавая, был прав. Оливер и в самом деле был бы христианином и на редкость хорошим христианином, если бы молился за тех, кто *его* кормит и о *нем* заботится. Но он не молился, потому что никто его этому не учил.

– Прекрасно! Тебя привели сюда, чтобы воспитать и обучить полезному ремеслу, – сказал краснолицый джентльмен, сидевший в высоком кресле.

– И завтра же, с шести часов утра, ты начнешь трепать пеньку, – добавил угрюмый джентльмен в белом жилете.

В благодарность за соединение этих двух благодеяний в несложной операции трепанья пеньки Оливер, по указанию бидла, низко поклонился и был поспешно уведен в большую комнату, где на грубой, жесткой кровати он рыдал, пока не заснул. Какая превосходная иллюстрация к милосердным законам Англии! Они разрешают беднякам спать!

Бедный Оливер! Он спал в счастливом неведении, не помышляя о том, что в этот самый день совет вынес решение, которое должно было повлиять на всю его дальнейшую судьбу. Но совет вынес решение. Оно заключалось в следующем.

Члены этого совета были очень мудрыми, проницательными философами, и когда они наконец обратили внимание на работный дом, они тотчас подметили то, чего никогда бы не обнаружили простые смертные, а именно: бедняки любили работный дом! Это было поистине место общественного увеселения для бедных классов; харчевня, где не нужно платить; даровой завтрак, обед, чай и ужин круглый год; рай из кирпича и известки, где всё игра и никакой работы! «Ого! – с глубокомысленным видом изрек совет. – Нам-то и надлежит навести порядок. Мы немедленно положим этому конец». И члены совета постановили, чтобы всем бедным людям был предоставлен выбор (так как, разумеется, они никого не хотели принуждать) либо медленно умирать голодной смертью в работном доме, либо быстро умереть вне его стен. С этою целью они заключили договор с водопроводной компанией на снабжение водой в неограниченном количестве и с агентом по торговле зерном на регулярное снабжение овсянкой в умеренном количестве и постановили давать три раза в день жидкую кашу, луковницу дважды в неделю и полбулки по воскресеньям. Они сделали еще очень много мудрых и гуманных распоряжений, касающихся женщин, но их нет необходимости перечислять. Они милостиво согласились давать развод женатым беднякам ввиду больших издержек, сопряженных с бракоразводным процессом в Докторс-Коммонс. И вместо того чтобы заставлять человека содержать семью, как они делали раньше, они отнимали у него семью и превращали его в холостяка! Трудно сказать, сколько просителей из всех слоев общества обратилось бы к ним за пособием, имея в виду эти два последних пункта, если бы оно не было связано с работным домом, но члены совета были люди предусмотрительные и приняли меры против такого осложнения. Пособие было неразрывно связано с работным домом и кашей, и это отпугивало людей.

В течение первого полугодия после появления Оливера Твиста систему применяли вовсю. Сначала она потребовала немалых расходов, ибо счет гробовщика увеличился и приходилось непрерывно ушивать одежду бедняков, которая после одной-двух недель каши висела мешком на их исхудавших телах. Но число обитателей работного дома стало таким же тощим, как и сами бедняки, и совет был в восторге.

Мальчиков кормили в большом зале с кирпичными стенами; в одном конце его находился котел, и из этого котла в часы, назначенные для принятия пищи, надзиратель, надев передник, с помощью одной или двух женщин раздавал кашу. Каждый мальчик получал одну мисочку этого превосходного месива – не больше, за исключением больших праздников, когда он, кроме того, получал две с четвертью унции хлеба. Миски никогда не приходилось мыть. Мальчики скоблили их ложками, пока они не начинали снова блестеть; покончив с этой операцией (которая никогда не отнимала много времени, так как ложки были почти такой же величины, как миски), они сидели, впиваясь в котел такими жадными глазами, словно собирались пожрать кирпичи, которыми он был обложен, и занимались тем, что жадно обсасывали

себе палцы в надежде найти крупички каши, случайно на них оставшейся. Мальчики обычно отличаются прекрасным аппетитом. Оливер Твист и его товарищи на протяжении трех месяцев терпели муки, медленно умирая от недоедания; наконец они стали такими жадными и так обезумели от голода, что один мальчик, который был рослым для своих лет и не привык к такому положению вещей (его отец содержал когда-то маленькую харчевню), мрачно намекнул товарищам, что, если ему не прибавят миски каши *per diem*, он боится, как бы случайно не съесть ночью спящего с ним рядом тшедушного мальчика. Глаза у него были дикие, голодные, и дети слепо ему поверили. Посоветовались; был брошен жребий, кому подойти в тот вечер после ужина к надзирателю и попросить еще каши. И жребий выпал Оливеру Твисту.

Настал вечер; мальчики заняли свои места. Надзиратель в поварском наряде поместился у котла; его нищие помощники расположились за его спиной. Каша была разлита по мискам. И длинная молитва была прочитана перед скудной едой. Каша исчезла; мальчики перешептывались друг с другом и подмигивали Оливеру, а ближайшие соседи подталкивали его. Он был совсем ребенок, впал в отчаяние от голода и стал безрассудным от горя. Он встал из-за стола и, подойдя с миской и ложкой в руке к надзирателю, сказал, немножко испуганный своей дерзостью:

– Простите, сэр, я хочу еще.

Надзиратель был дюжий, здоровый человек, однако он сильно побледнел. Остолбенев от изумления, он смотрел несколько секунд на маленького мятежника, а затем, ища поддержки, прислонился к котлу. Помощники онемели от удивления, мальчики – от страха.

– Что такое?.. – слабым голосом произнес наконец надзиратель.

– Простите, сэр, – повторил Оливер, – я хочу еще.

Надзиратель ударил Оливера черпаком по голове, крепко схватил его за руки и завопил, призывая бидла.

Совет собрался на торжественное заседание, когда мистер Бамбл в великом волнении ворвался в комнату и, обращаясь к джентльмену, восседавшему в высоком кресле, сказал:

– Мистер Лимкинс, прошу прощения, сэр! Оливер Твист попросил еще каши!

Произошло всеобщее смятение. Лица у всех исказились от ужаса.

– Еще каши?! – переспросил мистер Лимкинс. – Успокойтесь, Бамбл, и отвечайте мне вразумительно. Так ли я вас понял: он попросил еще, после того как съел полагающийся ужин?

– Так оно и было, сэр, – ответил Бамбл.

– Этот мальчик кончит жизнь на виселице, – сказал джентльмен в белом жилете. – Я знаю: этот мальчик кончит жизнь на виселице.

Никто не опровергал пророчества джентльмена. Началось оживленное обсуждение. Было предписано немедленно отправить Оливера в заточение; а на следующее утро к воротам было приклеено объявление, что любому, кто пожелает освободить приход от Оливера Твиста, предлагается вознаграждение в пять фунтов. Иными словами, вознаграждение в пять фунтов и Оливер Твист были предложены любому мужчине или женщине, которые, занимаясь ремеслом, торговлей или чем-либо иным, нуждались в ученике.

– Никогда и ни в чем, – сказал джентльмен в белом жилете, постучав на следующее утро в ворота и прочитав объявление, – я не был так уверен, как в том, что этот мальчик кончит жизнь на виселице.

Намереваясь показать в дальнейшем, прав или не прав был джентльмен в белом жилете, я не стану лишать занимательности это повествование (полагая, что оно обладает этим качеством) и не осмелюсь намекнуть, ждет ли Оливера Твиста такая страшная смерть или нет.

Глава III

рассказывает о том, как Оливер Твист едва не поступил на место, которое оказалось бы отнюдь не синекурой

В течение недели после совершения кощунственного и позорного преступления – просьбы о добавочной порции – Оливер сидел взаперти в темной и пустой комнате, куда его заключили по мудрому и милосердному распоряжению совета. На первый взгляд как будто разумно предположить, что если бы он отнесся с должным почтением к предсказанию джентльмена в белом жилете, то раз и навсегда подтвердил бы пророческий дар этого джентльмена, прикрепив один конец носового платка к крюку в стене и повесившись на другом его конце. Однако для совершения этого подвига существовало одно препятствие, а именно: носовые платки, отнесенные к предметам роскоши, были на все грядущие века отторгнуты от носов бедных людей по специальному приказу совета, собравшегося в полном составе, – по приказу, который был скреплен подписями и печатью и торжественно оглашен.

Еще более серьезным препятствием являлись юный возраст и ребяческий нрав Оливера. Он горько проплакал весь день, а когда настала длинная, унылая ночь, он заслонил руками глаза, чтобы не видеть тьмы, и, забившись в угол, постарался уснуть. То и дело он просыпался, приподнимаясь и вздрагивая, и все теснее и теснее прижимался к стене, чувствуя, что холодная, твердая ее поверхность как бы служит ему защитой от одиночества во мраке, его окружающем.

Да не подумают враги «системы», что во время своего одиночного заключения Оливер был лишен упражнений, необходимых для здоровья, лишен приличного общества и духовного утешения. Что касается упражнений, то стояла чудесная холодная погода, и ему разрешалось каждое утро совершать обливание под насосом в обнесенном кирпичной стеной дворе, в присутствии мистера Бамбла, который заботился о том, чтобы он не простудился, и с помощью трости вызывал ощущение теплоты во всем его теле. Что касается общества, то каждые два дня его водили в зал, где обедали мальчики, и там секли при всех для примера и предостережения остальным. А для того чтобы не лишиться его духовного утешения, его выгоняли пинками каждый вечер в час молитвы в тот же зал и там разрешали утешать свой дух, слушая общую молитву мальчиков, содержащую специальное дополнение, внесенное по распоряжению совета; в этом дополнении они просили сделать их хорошими, добродетельными, довольными и послушными и избавить от грехов и пороков Оливера Твиста: о последнем в молитве было отчетливо сказано, что он находится под особым покровительством и защитой злых сил и является изделием, выпущенным прямо с фабрики самого дьявола.

Однажды утром, когда Оливер находился в столь же утешительном положении, мистер Гэмфилд, трубочист, шел по Хай-стрит, глубокомысленно обдумывая пути и способы уплатить недоимки по арендной плате, которую его квартирохозяин требовал довольно настойчиво. При самом оптимистическом подсчете своих финансов мистер Гэмфилд никак не мог насчитать пяти фунтов, каковая сумма была ему нужна; придя в некое арифметическое отчаяние, он то ломал себе голову, то старался проломить ее своему ослу, как вдруг, поравнявшись с работным домом, заметил на воротах объявление.

– Тпру-у, – сказал мистер Гэмфилд ослу.

Осел пребывал в глубокой задумчивости, размышляя, должно быть, о том, суждено ли ему получить одну-две кочерыжки, когда он избавится от двух мешков сажи, которыми была нагружена тележка; поэтому, не расслышав приказания, он продолжал рысцей продвигаться вперед.

Мистер Гэмфилд разразился неистовыми проклятиями, относившимися к ослу и в особенности к его глазам, и, бросившись за ним, нанес ему удар по голове, от которого неизбежно раскололся бы любой череп, кроме ослиного. Затем, схватив осла за узду, он сильно ее дернул, с целью любезно напомнить ему, кто его хозяин, и таким манером повернул его обратно. После этого он еще раз треснул его по голове, чтобы тот не очухался до самого его возвращения. Покончив с этими приготовлениями, он подошел к воротам прочитать объявление.

Заложив руки за спину, у ворот стоял джентльмен в белом жилете, высказавший только что несколько глубоких мыслей в комнате, где заседал совет. Наблюдая маленькую размолвку между мистером Гэмфилдом и ослом, он радостно улыбнулся, когда этот человек подошел прочесть объявление, ибо он сразу угадал, что мистер Гэмфилд – именно такой хозяин, какой нужен Оливеру Твисту. Прочитав бумагу, мистер Гэмфилд тоже улыбнулся, так как ему необходима была именно сумма в пять фунтов; что же касается мальчика, являвшегося придатком к этой сумме, то мистер Гэмфилд, зная, какова пища в работном доме, был уверен, что мальчик окажется очень миниатюрным экземпляром, весьма подходящим для дымоходов. Поэтому он снова прочел по складам объявление от начала до конца и затем, притронувшись в знак почтения к своей меховой шапке, обратился к джентльмену в белом жилете.

– Этот мальчик, сэр, которого приход хочет отдать в ученье... – начал мистер Гэмфилд.

– Да, любезный, – со снисходительной улыбкой отозвался джентльмен в белом жилете. – Что вы о нем скажете?

– Если приход желает, чтобы он обучился приятному ремеслу, доброму почтенному ремеслу трубочиста, – продолжал мистер Гэмфилд, – то могу сказать, что мне нужен ученик и я готов его взять.

– Войдите, – сказал джентльмен в белом жилете.

Мистер Гэмфилд, замешкавшись позади, угостил осла еще одним ударом по голове и еще раз дернул его за узду, предостерегая, чтобы он не убежал во время его отсутствия, а затем последовал за джентльменом в белом жилете в ту комнату, где Оливер впервые увидел этого джентльмена.

– Это скверное ремесло, – сказал мистер Лимкинс, когда Гэмфилд снова заявил о своем желании.

– Случалось, что мальчики задыхались в дымоходах, – произнес другой джентльмен.

– Это потому, что смачивали солому, прежде чем зажечь ее в камине, чтобы заставить мальчика выбраться наружу, – сказал Гэмфилд. – От этого только дым валит, а огня нет! Ну а от дыму нет никакого толку, он не заставит мальчика вылезти, он его усыпляет, а мальчишке этого только и нужно. Мальчишки – народ очень упрямый и очень ленивый, джентльмены, и ничего нет лучше славного горячего огонька, чтобы заставить их быстрехонько спуститься. К тому же это доброе дело, джентльмены, потому как, если они застрянут в дымоходе, а им начнешь поджаривать пятки, они изо всех сил стараются высвободиться.

Такое объяснение как будто очень позабавило джентльмена в белом жилете, но веселость эта быстро угасла от взгляда, брошенного на него мистером Лимкинсом. Затем члены совета беседовали между собой в течение нескольких минут, но так тихо, что можно было расслышать только слова: «сокращение расходов», «прекрасно отразится на балансе», «выпустим печатный отчет». Да и эти слова удалось расслышать только потому, что их повторяли очень часто и выразительно.

Наконец перешептывание прекратилось, и, когда члены совета вернулись на свои места и снова обрели торжественный вид, мистер Лимкинс сказал:

– Мы обсудили ваше предложение и не одобряем его.

– Отнюдь не одобряем, – сказал джентльмен в белом жилете.

– Решительно не одобряем, – добавили остальные члены совета.

Так как мистеру Гэмфилду случилось пострадать от пустячного обвинения в том, что он забил до смерти трех или четырех мальчиков, то у него мелькнула мысль, что члены совета, по какому-то непонятному капризу, вообразили, будто это обстоятельство, не имеющее отношения к делу, должно повлиять на их решение. Правда, это отнюдь не походило на их обычный образ действий, однако, не имея особого желания воскрешать старые слухи, он повертел в руках шапку и медленно отошел от стола.

– Стало быть, вы не хотите отдать его мне, джентльмены? – спросил мистер Гэмфилд, приостановившись у двери.

– Не хотим, – ответил мистер Лимкинс, – ремесло у вас скверное, и мы считаем, что надо снизить предложенную нами премию.

Физиономия мистера Гэмфилда прояснилась; он быстрым шагом подошел к столу и сказал:

– Сколько дадите, джентльмены? Ну-ка! Не обижайте бедного человека. Сколько дадите?

– Я бы сказал, что трех фунтов десяти шиллингов хватит за глаза, – ответил мистер Лимкинс.

– Десять шиллингов сбросить, – вмешался джентльмен в белом жилете.

– Послушайте! – сказал Гэмфилд. – Порешим на четырех фунтах, джентльмены. Порешим на четырех фунтах, и вы избавитесь от него раз и навсегда. Идет?

– Три фунта десять, – твердо повторил мистер Лимкинс.

– Послушайте, джентльмены, разделим разницу пополам, – предложил Гэмфилд. – Три фунта пятнадцать.

– Ни одного фартинга не прибавлю, – был твердый ответ мистера Лимкинса.

– Уж очень вы меня прижимаете, джентльмены, – нерешительно сказал Гэмфилд.

– Ну-ну! Вздор! – сказал джентльмен в белом жилете. – Он стоит того, чтобы его взяли без всякой премии. Забирайте его, глупый вы человек! Это самый подходящий для вас мальчик. Время от времени его нужно угощать палкой – это пойдет ему на пользу. А его содержание не обойдется дорого, потому что его не закармливали с самого рождения. Ха-ха-ха!

Мистер Гэмфилд хитрым взглядом окинул лица сидевших за столом и, заметив, что они улыбаются, сам начал ухмыляться. Сделка была заключена. Мистеру Бамблу немедленно объявили, что Оливер и его документы должны быть в тот же день препровождены к судье для подписи и утверждения.

Во исполнение этого решения маленького Оливера, крайне удивленного, выпустили из заточения и приказали надеть чистую рубашку. Едва он успел покончить с этим совершенно непривычным гимнастическим упражнением, как мистер Бамбл собственноручно принес ему миску с кашей и праздничную порцию хлеба – две с четвертью унции.

При этом потрясающем зрелище Оливер жалобно заплакал: он подумал – и это было вполне естественно, – что совет решил убить его для каких-нибудь полезных целей, в противном случае его ни за что не стали бы так откармливать.

– Не плачь, Оливер, а то глаза покраснеют. Ешь свою кашу и будь благодарен! – сказал мистер Бамбл внушительным и торжественным тоном. – Тебя собираются отдать в ученье, Оливер.

– В ученье, сэр? – дрожа, переспросил мальчик.

– Да, Оливер, – сказал мистер Бамбл. – Добрые и милосердные джентльмены, которые заменяют тебе родителей, Оливер, потому что своих у тебя нет, хотят отдать тебя в ученье, поставить на ноги и сделать из тебя человека, хотя это обойдется приходу в три фунта десять шиллингов! Три фунта десять, Оливер! Семьдесят шиллингов... сто сорок шестипенсовиков! И все это для дрянного сироты, которого никто не может полюбить!

Когда мистер Бамбл, устрашающим голосом произнес эту речь, остановился, чтобы перевести дух, слезы заструились по лицу бедного мальчика, и он горько зарыдал.

– Полно, – сказал мистер Бамбл уже не таким торжественным тоном, ибо ему лестно было видеть, какое впечатление производит его красноречие. – Полно, Оливер! Вытри глаза обшлагом куртки и не роняй слез в кашу. Это очень неразумно, Оливер.

И в самом деле это было неразумно, так как в каше и без того было достаточно воды.

По пути к судье мистер Бамбл сообщил Оливеру, что он сейчас должен казаться счастливым и, когда старый джентльмен спросит его, хочет ли он поступить в ученье, ответить, что ему этого очень хочется. Оба предписания Оливер обещал исполнить, тем более что трудно себе представить, как деликатно намекнул мистер Бамбл, какая его постигнет судьба, если он не выполнит того или другого. Когда они явились в камеру судьи, мистер Бамбл запер его одного в маленькой комнатке и приказал ждать здесь, пока он за ним зайдет.

С сильно бьющимся сердцем мальчик ждал около получаса. По прошествии этого времени мистер Бамбл просунул в дверь голову, не украшенную на этот раз треуголкой, и громко сказал:

– Оливер, милый мой, пойдем к джентльменам. – Произнеся эти слова, мистер Бамбл принял мрачный и угрожающий вид и шепотом добавил: – Помни, что я тебе сказал, негодный мальчишка!

Его манера обращения сбивала с толку, и Оливер простодушно заглянул в лицо мистеру Бамблу, но сей джентльмен помешал ему сделать какое бы то ни было замечание и немедленно повел его в смежную комнату, дверь которой была открыта.

Это была просторная комната с большим окном. За конторкой сидели два старых джентльмена с напудренными волосами; один читал газету, другой, вооружившись очками в черепаховой оправе, изучал лежавший перед ним кусок пергамента. Мистер Лимкинс стоял перед конторкой с одной стороны, а мистер Гэмфилд – его лицо было кое-как умыто – с другой; два-три грубоватых на вид человека в высоких сапогах слонялись вокруг.

Старый джентльмен в очках в конце концов задремал над куском пергамента, и, когда мистер Бамбл поставил Оливера перед конторкой, в течение нескольких минут длилось молчание.

– Вот он, этот мальчик, ваша честь, – сказал мистер Бамбл.

Старый джентльмен, который читал газету, приподнял на минуту голову и дернул другого старого джентльмена за рукав, после чего тот проснулся.

– О, это тот самый мальчик? – промолвил старый джентльмен.

– Он самый, сэр, – отвечал мистер Бамбл. – Милый мой, поклонись судье.

Оливер восторженно и отвесил почтительнейший поклон. Рассматривая напудренные волосы судей, он с недоумением размышлял о том, неужели все члены совета так и рождаются с этой белой пылью на голове и потому-то становятся сразу членами совета.

– Ну-с, – сказал старый джентльмен, – полагаю, ему нравится ремесло трубочиста?

– Он без ума от него, ваша честь, – ответил Бамбл и украдкой ущипнул Оливера, давая понять, что лучше ему с этим не спорить.

– И он *хочет* быть трубочистом, не так ли? – спросил старый джентльмен.

– Если бы мы вздумали завтра обучать его какому-нибудь другому ремеслу, он тотчас же сбежал бы, ваша честь, – отвечал Бамбл.

– А этот человек, будущий его хозяин... вы, сэр... вы будете хорошо обращаться с ним... кормить его... и тому подобное, не правда ли, сэр? – сказал старый джентльмен.

– Раз я говорю, что буду, значит, буду, – угрюмо ответил мистер Гэмфилд.

– Речь у вас грубоватая, друг мой, но вы производите впечатление честного, прямодушного человека, – сказал старый джентльмен, обратив свои очки в сторону кандидата на премию за Оливера.

Мерзкая физиономия этого кандидата была поистине отмечена клеймом, удостоверявшим его жестокость. Но судья был подслеповат, впал в детство, и потому вряд ли можно было ожидать, чтобы он подметил то, что подмечали другие.

– Надеюсь, что так, сэр, – сказал мистер Гэмфилд с отвратительной усмешкой.

– Я в этом не сомневаюсь, друг мой, – отозвался старый джентльмен, прочнее водрузив очки на нос и озираясь в поисках чернильницы.

Это был решающий момент в жизни Оливера. Если бы чернильница находилась там, где предполагал ее найти старый джентльмен, он обмакнул бы в нее перо, подписал бумагу – и Оливер был бы немедленно уведен. Но так как она стояла под самым его носом, он, разумеется, осмотрев всю конторку, не нашел ее, и, когда, продолжая поиски, случайно посмотрел прямо перед собой, взгляд его упал на бледное, испуганное лицо Оливера Твиста, который, не обращая внимания на предостерегающие взоры и шипки Бамбла, глядел на отвратительную физиономию своего будущего хозяина со страхом и ужасом, столь нескрываемым, что этого не мог не заметить даже подслеповатый судья. Старый джентльмен помедлил, положил перо и перевел взгляд с Оливера на мистера Лимкинса, который взял понюшку табаку, стараясь принять беззаботный и независимый вид.

– Мальчик! – сказал старый джентльмен, перегнувшись через конторку.

Оливер вздрогнул при этих словах. Ему можно простить это, потому что голос звучал ласково, а незнакомые звуки пугают людей. Он задрожал всем телом и залился слезами.

– Мальчик, – повторил старый джентльмен, – ты бледен и взволнован. В чем дело?

– Отойдите от него, бидл... – сказал другой судья, отложив газету и с любопытством наклонившись вперед. – А теперь, мальчик, объясни нам, в чем дело. Не бойся.

Оливер упал на колени и, сжав руки, стал умолять, чтобы его отослали обратно в темную комнату... морили голодом... избивали... убили, если это им угодно, но только не отправляли с этим страшным человеком.

– Вот как! – сказал мистер Бамбл, весьма торжественно воздев руки и возведя очи горé. – Вот как! Из всех лукавых и коварных сирот, каких я когда-либо видел, ты, Оливер, самый наглый из наглых.

– Придержите язык, бидл, – сказал второй старый джентльмен, когда мистер Бамбл произнес этот сложный эпитет.

– Прошу прощения, ваша честь, – сказал мистер Бамбл, не веря своим ушам. – Ваша честь изволили обращаться ко мне?

– Да. Придержите язык.

Мистер Бамбл остолбенел от изумления. Бидлу приказано придержать язык! Светопреставление!

Старый джентльмен в очках в черепаховой оправе посмотрел на своего коллегу. Тот многозначительно кивнул головой.

– Мы отказываемся утвердить этот договор, – сказал старый джентльмен, отбрасывая в сторону пергамент.

– Н...надеюсь... – заикаясь начал мистер Лимкинс, – я надеюсь, что, основываясь на показаниях ребенка, ничем не подкрепленных, судьи не придут к тому заключению, будто приходские власти виновны в каком-нибудь недостойном поступке.

– Судьи не обязаны выносить какое бы то ни было заключение по этому вопросу, – резко произнес второй старый джентльмен. – Отведите мальчика обратно в работный дом и обращайтесь с ним хорошо. По-видимому, он в этом нуждается.

В тот же вечер джентльмен в белом жилете заявил совершенно категорически, что Оливер не только будет повешен, но что его вдобавок приволокут к месту казни и четвертуют. Мистер Бамбл мрачно и таинственно покачал головой и выразил желание, чтобы он обратился к добру, после чего мистер Гэмфилд пожелал, чтобы он попал к нему в руки; и хотя мистер

Гэмфилд почти во всем соглашался с приходским бидлом, он, по-видимому, решительно с ним разошелся, выразив такое пожелание.

На следующее утро публику снова известили о том, что Оливер Твист сдается внаем и что пять фунтов будут уплачены тому, кто пожелает им владеть.

Глава IV

Оливеру предложили другое место, и он впервые выступает на жизненном поприще

Если молодому человеку из аристократической семьи не могут обеспечить выгодной должности по завещанию, дарственной или купчей, то его принято отправлять в плавание. Подражая столь мудрому и спасительному примеру, члены совета принялись обсуждать, уместно ли будет спровадить Оливера Твиста на какое-нибудь маленькое торговое судно, отправляющееся в превосходный, гибельный для здоровья порт. Это казалось наилучшим из всего, что только можно было с ним сделать: как-нибудь после обеда шкипер, находясь в игривом расположении духа, по всей вероятности, засечет его до смерти или проломит ему череп железным ломом; и та и другая забава являются, как многим известно, излюбленным и повседневным развлечением джентльменов этого рода. Чем дольше члены совета рассматривали данный случай с упомянутой точки зрения, тем больше разнообразных преимуществ открывалось им в задуманном плане; и они пришли к решению, что единственный способ облагодетельствовать Оливера – безотлагательно отправить его в плавание.

Мистера Бамбла послали предварительно навести справки с целью отыскать какого-нибудь капитана, которому нужен кают-юнга, не имеющий друзей, и Бамбл возвращался в работный дом сообщить о результатах своей миссии, как вдруг встретил у ворот мистера Саурбери, приходского гробовщика.

Мистер Саурбери был высоким, сухощавым, ширококостным человеком, в поношенном черном костюме, в заштопанных бумажных чулках тоже черного цвета и таких же башмаках, физиономия его не была от природы предназначена для улыбки, но, в общем, ему не была чужда профессиональная веселость. Походка у него была эластичная, а лицо выражало искреннее удовольствие, когда он подошел к мистеру Бамблу и сердечно пожал ему руку.

– Я снял мерку с двух женщин, умерших сегодня ночью, мистер Бамбл, – сказал гробовщик.

– Вы сколотите себе состояние, мистер Саурбери, – отозвался бидл, запуская большой и указательный пальцы в протянутую ему гробовщиком табакерку; это была искусно сделанная маленькая модель гроба. – Уверяю вас, вы сколотите себе состояние, мистер Саурбери! – повторил мистер Бамбл, дружески похлопав гробовщика тростью по плечу.

– Вы полагаете? – сказал гробовщик таким тоном, как будто он и признавал, и оспаривал возможность такого события. – Приходский совет назначил очень низкую цену, мистер Бамбл.

– Да и гробы невелики... – ответил бидл, позволив себе улыбнуться не больше, чем это подобало важному должностному лицу.

Мистера Саурбери это очень позабавило, что было вполне понятно, и он смеялся долго и неудержимо.

– Ну что же, мистер Бамбл, – произнес он наконец, – нельзя отрицать, что с тех пор, как введена новая система питания, гробы стали чуточку поуже и пониже, чем в былые времена. Но должны же мы получать какую-то прибыль, мистер Бамбл! Сухое, выдержанное дерево стоит недешево, сэр, а железные ручки пересылают по каналу из Бирмингема.

– Так-то оно так, – сказал мистер Бамбл, – каждое ремесло требует затрат. Конечно, дозволительно получать честный барыш.

– Разумеется! – подтвердил гробовщик. – И если я не получаю барыша по той или другой статье, ну что ж, в конце концов я свое наверстаю, хи-хи-хи!

– Вот именно, – сказал мистер Бамбл.

– Однако я должен сказать... – продолжал гробовщик, возвращаясь к размышлениям, прерванным бидлом, – однако я должен сказать, мистер Бамбл, что есть одно немаловажное затруднение. Видите ли, чаще всего умирают люди тучные. Те, что были лучше обеспечены и много лет платили налоги, чахнут в первую очередь, когда попадают в работный дом. И разрешите вам сказать, мистер Бамбл, что три-четыре дюйма, превышающие норму, – нешуточная потеря, в особенности если приходится содержать семью, сэр.

Так как мистер Саурбери произнес эти слова с негодованием – вполне простительным – обиженного человека и так как мистер Бамбл почувствовал, что в них кроется нечто предосудительное для чести прихода, сей последний джентльмен почел нужным заговорить о другом. Мысли его были заняты главным образом Оливером Твистом, и о нем-то он и заговорил.

– Кстати, – сказал мистер Бамбл, – не знаете ли вы кого-нибудь, кому бы нужен был мальчик? Приходский ученик, который в настоящее время является обузой, я бы сказал – жерновом на шее прихода... Выгодные условия, мистер Саурбери, выгодные условия.

С этими словами мистер Бамбл коснулся тростью объявления, висевшего над его головой, и три раза отчетливо ударил по словам «пять фунтов», которые были напечатаны гигантскими буквами романским шрифтом.

– Ах, Бог ты мой! – воскликнул гробовщик, схватив мистера Бамбла за обшитый золотым галуном лацкан его шинели. – Да ведь об этом-то я и хотел с вами поговорить! Знаете ли... Боже мой, какая красивая пуговица, мистер Бамбл! Я до сей поры не обращал на нее внимания.

– Да, мне кажется, что она недурна, – промолвил бидл, горделиво бросив взгляд на большие бронзовые пуговицы, украшавшие его шинель. – Штамп тот же, что и на приходской печати: добрый самаритянин, врачующий больного и немощного. Приходский совет преподнес мне эту шинель на Новый год, мистер Саурбери. Помню, я впервые надел ее, чтобы присутствовать на следствии о том разорившемся торговце, который умер в полночь у подъезда.

– Припоминаю, – сказал гробовщик. – Присяжные вынесли решение: «Умер от холода и отсутствия самого необходимого для поддержания жизни», – не правда ли?

Мистер Бамбл кивнул головой.

– И они как будто вынесли специальный вердикт, – продолжал гробовщик, – присовокупив, что если бы чиновник по надзору за бедными...

– Вздор! Чепуха! – перебил бидл. – Если бы совет прислушивался к тем глупостям, какие говорят эти невежды-присяжные, у него было бы дела по горло.

– Истинная правда, – согласился гробовщик, – по горло.

– Присяжные, – продолжал мистер Бамбл, крепко сжимая трость, ибо такая была у него привычка, когда он сердился, – присяжные – это невежественные, пошлые, жалкие негодяи!

– Верно, – подтвердил гробовщик.

– В философии и политической экономии они смыслят вот сколько! – сказал бидл, презрительно щелкнув пальцами.

– Именно так, – подтвердил гробовщик.

– Я их презираю! – сказал бидл, весь побагровев.

– Я тоже, – присовокупил гробовщик.

– И мне бы только хотелось, чтобы эти независимые присяжные попали к нам в дом на одну-две недельки, – сказал бидл. – Правила и порядок, введенные советом, быстро бы их усмирили.

– Оставим-ка их в покое, – сказал гробовщик.

С этими словами он одобрительно улыбнулся, чтобы умерить нарастающий гнев вознегодовавшего приходского служителя.

Мистер Бамбл снял треуголку, вынул из тульи носовой платок – он разозлился, и пот выступил у него на лбу, – вытер лоб, снова надел треуголку и, повернувшись к гробовщику, сказал более спокойным тоном:

– Ну, так как же насчет мальчика?

– О, знаете ли, мистер Бамбл, – отозвался гробовщик, – я плачу немалый налог в пользу бедных.

– Гм! – сказал мистер Бамбл. – А дальше что?

– А вот что, – ответил гробовщик, – я думал, что если я столько плачу в пользу бедных, то, стало быть, имею право извлечь из них как можно больше, мистер Бамбл. И... и... кажется, я сам возьму этого мальчика.

Мистер Бамбл схватил гробовщика под руку и повел его в дом. Мистер Сауербери в течение пяти минут договаривался с членами совета, и было решено, что Оливер отправится к нему в тот же вечер «на пробу». Применительно к приходскому ученику это означало следующее: если хозяин после короткого испытания убедится, что может, не слишком заботясь о питании мальчика, заставить его изрядно работать, он вправе оставить его у себя на определенный срок и распоряжаться им по своему усмотрению.

Когда маленького Оливера привели в тот вечер к «джентльменам» и объявили ему, что он сегодня же поступает в услужение к гробовщику, а если он вздумает пожаловаться на свое положение или когда-нибудь вернуться в приход, его отправят в плавание либо прошибут ему голову, – Оливер выказал так мало волнения, что все единогласно признали его закоснелым юным негодяем и приказали мистеру Бамблу немедленно его увести.

Вполне естественно, что члены совета должны были скорее, чем кто-либо другой, прийти в величайшее и добродетельное изумление и ужас при малейших признаках бесчувственности со стороны кого бы то ни было, но в данном случае они несколько заблуждались. Дело в том, что Оливер отнюдь не был бесчувственным; пожалуй, он даже отличался чрезмерной чувствительностью, но в результате дурного обращения был близок к тому, чтобы стать тупым и угрюмым до конца жизни. В полном молчании он принял известие о своем назначении, забрал свое имущество – его не очень трудно было нести, так как оно помещалось в пакете из оберточной бумаги, имевшем полфута длины, полфута ширины и три дюйма толщины, – надвинул шапку на глаза и, уцепившись за обшлаг мистера Бамбла, отправился с этим должностным лицом к месту новых терзаний.

Сначала мистер Бамбл вел Оливера, не обращая на него внимания и не делая никаких замечаний, ибо бидл высоко держал голову, как и подобает бидлу, а так как день был ветреный, маленького Оливера совершенно скрывали полы шинели мистера Бамбла, которые развевались и обнажали во всей красе жилет с лацканами и короткие коричневые плюшевые штаны. Но, приблизившись к месту назначения, мистер Бамбл счел нужным взглянуть вниз и убедиться, что мальчик находится в должном виде, готовый предстать перед новым хозяином; так он и поступил, скроив надлежащую мину, милостивую и покровительственную.

– Оливер! – сказал мистер Бамбл.

– Да, сэр? – тихим, дрожащим голосом отозвался Оливер.

– Сдвиньте шапку на лоб, сэр, и поднимите голову!

Хотя Оливер тотчас же исполнил приказание и свободной рукой быстро провел по глазам, но когда он поднял их на своего проводника, в них блеснули слезинки. Мистер Бамбл сурово посмотрел на Оливера, но у того слезинка скатилась по щеке. За ней последовала еще и еще одна. Ребенок сделал невероятное усилие, но оно ни к чему не привело. Вырвав у мистера Бамбла свою руку, он обеими руками закрыл лицо и заплакал, а слезы просачивались между подбородком и костлявыми пальцами.

– Вот как! – воскликнул мистер Бамбл, останавливаясь и бросая на своего питомца злобный взгляд. – Вот как! Из всех неблагодарных, испорченных мальчишек, каких мне случалось видеть, ты, Оливер, самый...

– Нет, нет, сэр! – всхлипывая, воскликнул Оливер, цепляясь за руку, которая держала хорошо знакомую ему трость. – Нет, нет, сэр! Я исправлюсь, право же, я исправлюсь, сэр! Я еще очень маленький, сэр, и такой... такой...

– Какой – такой? – с изумлением спросил мистер Бамбл.

– Такой одинокий, сэр. Очень одинокий! – воскликнул ребенок. – Все меня ненавидят. О сэр, пожалуйста, не сердитесь на меня!

Мальчик прижал руку к сердцу и со слезами, вызванными неподдельным горем, посмотрел в лицо спутнику.

Мистер Бамбл с некоторым удивлением встретил жалобный и беспомощный взгляд Оливера, раза три-четыре хрипло откашлялся и, пробормотав что-то об этом «надоедливом кашле», приказал Оливеру осушить слезы и быть хорошим мальчиком. Затем он снова взял его за руку и молча продолжал путь.

Когда вошел мистер Бамбл, гробовщик, только что закрывший ставни в лавке, делал какие-то записи в приходе-расходной книге при свете унылой свечи, весьма здесь уместной.

– Эге! – сказал гробовщик, оторвавшись от книги и не дописав слово. – Это вы, Бамбл?

– Я самый, мистер Саурбери, – отозвался бидл. – Ну вот! Я вам привел мальчика.

Оливер поклонился.

– Так это и есть тот самый мальчик? – спросил гробовщик, подняв над головой свечу, чтобы лучше рассмотреть Оливера. – Миссис Саурбери, будь так добра, зайди сюда на минутку, дорогая моя.

Из маленькой комнатки позади лавки вышла миссис Саурбери. Это была невысокая, тощая, высохшая женщина с ехидным лицом.

– Милая моя, – почтительно сказал мистер Саурбери, – это тот самый мальчик из рабочего дома, о котором я тебе говорил.

Оливер снова поклонился.

– Ах, Боже мой! – воскликнула жена гробовщика. – Какой он маленький!

– Да, он, пожалуй, мал ростом, – согласился мистер Бамбл, поглядывая на Оливера так, словно тот был виноват, что не дорос. – Он и в самом деле маленький. Этого нельзя отрицать. Но он подрастет, миссис Саурбери, он подрастет.

– Да что и говорить! – с раздражением отозвалась эта леди. – Подрастет на наших хлебах. Я никакой выгоды не вижу от приходских детей: их содержание обходится дороже, чем они сами того стоят. Но мужчины всегда думают, что они все знают лучше нас... Ну, ступай вниз, мешок с костями!

С этими словами жена гробовщика открыла боковую дверь и вытолкнула Оливера на крутую лестницу, ведущую в каменный подвал, сырой и темный, служивший преддверием угольного погреба и носивший название кухни; здесь сидела девушка, грязно одетая, в стоптанных башмаках и дырявых синих шерстяных чулках.

– Шарлотт, – сказала миссис Саурбери, спустившаяся вслед за Оливером, – дайте этому мальчику остатки холодного мяса, которые отложены для Трипа. Трип с утра не приходил домой и может обойтись без них. Надеюсь, мальчик не настолько привередлив, чтобы отказываться от них... Верно, мальчик?

У Оливера глаза засверкали при слове «мясо», он задрожал от желания съесть его и дал утвердительный ответ, после чего перед ним поставили тарелку с объедками.

Хотел бы я, чтобы какой-нибудь откормленный философ, в чьем желудке мясо и вино превращаются в желчь, чья кровь холодна как лед, а сердце железное, – хотел бы я, чтобы он посмотрел, как Оливер Твист набросился на изысканные яства, которыми пренебрегла бы собака! Хотел бы я, чтобы он был свидетелем того, с какой жадностью Оливер, терзаемый страшным голодом, разрывал куски мяса! Еще больше мне хотелось бы увидеть, как этот философ с таким же наслаждением поедает такое же блюдо.

– Ну что? – спросила жена гробовщика, когда Оливер покончил со своим ужином; она следила за ним в безмолвном ужасе, с тревогой предвидя, какой будет у него аппетит. – Кончил?

Не видя поблизости ничего съедобного, Оливер ответил утвердительно.

– Ну так ступай за мной, – сказала миссис Саурбери, взяв грязную, тускло горевшую лампу и поднимаясь по лестнице. – Твоя постель под прилавком. Надеюсь, ты можешь спать среди гробов? А впрочем, это не важно – можешь или нет, потому что больше тебе спать негде. Иди! Не оставаться же мне здесь всю ночь!

Оливер больше не мешкал и покорно пошел за своей новой хозяйкой.

Глава V

Оливер знакомится с товарищами по профессии. Впервые побывав на похоронах, он приходит к неблагоприятному выводу о ремесле своего хозяина

Оставшись один в лавке гробовщика, Оливер поставил лампу на верстак и робко осмотрелся вокруг с чувством благоговения и страха, которое без труда поймут многие люди значительно старше его. Недоделанный гроб на черных козлах, стоявший посреди лавки, казался таким унылым и зловещим, что холодок пробежал у Оливера по спине, когда он поглядывал на этот мрачный предмет, ему чудилось, что какая-то ужасная фигура вот-вот медленно поднимет голову и он сойдет с ума от страха. Вдоль стены в образцовом порядке выстроился длинный ряд вязовых досок, заготовленных для гробов; в тусклом свете они казались сутулыми привидениями, засунувшими руки в карманы. Таблички для гробов, стружки, гвозди с блестящими шляпками и обрезки черной материи валялись на полу, а стену за прилавком украшала картина, на которой были очень живо изображены два немых плакальщика в туго накрахмаленных галстуках, стоящие на посту у дверей дома, к которому подъезжал катафалк, запряженный четверкой вороных лошадей. В лавке было душно и жарко. Казалось, воздух пропитан запахом гробов. Местечко под прилавком, куда был брошен ему тюфяк, напоминало могилу.

Но не только эта унылая обстановка угнетала Оливера. Он был один в незнакомом месте, а все мы знаем, каким покинутым и несчастным может почувствовать себя любой из нас при таких обстоятельствах. У мальчика не было любящих или любимых друзей. Не было у него сожалений о недавней разлуке; не было дорогого, близкого лица, которое ему мучительно хотелось бы увидеть. Но несмотря на это, на сердце у него было тяжело; и когда он забрался на свое узкое ложе, ему захотелось, чтобы это ложе было гробом, а его, спящего безмятежным и непробудным сном, зарыли бы на кладбище, где тихо шелестела бы над его головой высокая трава и баюкал густой звон старого колокола.

Утром Оливера разбудили громкие удары ногами в дверь лавки; пока он успел кое-как одеться, неистовый стук повторился раз двадцать пять. Когда он стал снимать дверную цепочку, ноги, колотившие в дверь, утихомирились, и раздался голос.

– Отворяйте, слышите! – кричал голос, который принадлежал тому же лицу, что и ноги.

– Сейчас отопру, сэр, – сказал Оливер, снимая цепочку и поворачивая ключ.

– Должно быть, ты и есть новый мальчик? – спросил голос через замочную скважину.

– Да, сэр, – ответил Оливер.

– Сколько тебе лет? – осведомился голос.

– Десять, сэр, – ответил Оливер.

– Ну так я тебя вздую, как только войду, – сообщил голос, – помяни мое слово, приход-ский щенок!

После этого любезного обещания послышался свист.

Оливера слишком часто подвергали операции, обозначаемой только что упомянутым выразительным словечком, а потому он ничуть не сомневался в том, что тот, кому принадлежал голос, добросовестнейшим образом выполнит свою угрозу. Дрожащей рукой он отодвинул засов и открыл дверь.

Секунду или две Оливер осматривал улицу, поглядел направо, налево и на противоположный тротуар, полагая, что неизвестный, разговаривавший с ним через замочную скважину, прогуливается, чтобы согреться. Дело в том, что он не видел перед собой никого, кроме рослого приютского мальчика, который сидел на тумбе перед домом и ел ломоть хлеба с маслом,

разрезая его складным ножом на куски величиной с собственный рот и проглатывая их с большим проворством.

– Прошу прощения, сэр, – сказал Оливер, убедившись, что никто не появляется, – это вы стучали?

– Я колотил ногами, – ответил приютский мальчик.

– Вам нужен гроб, сэр? – простодушно спросил Оливер.

При этих словах приютский мальчик принял необычайно грозный вид и заявил, что самому Оливеру в скором времени понадобится гроб, если он позволяет себе шутить таким образом со старшими.

– Приходский щенок, ты не знаешь, кто я такой? – продолжал приютский мальчик, с важным видом слезая с тумбы.

– Не знаю, сэр, – ответил Оливер.

– Я мистер Ноэ Клейпол, – сказал приютский мальчик, – а ты находишься у меня под началом. Открой ставни, ленивая тварь!

С этими словами мистер Клейпол угостил Оливера пинком и вошел в лавку с большим достоинством, делавшим ему честь. При любых обстоятельствах большеголовому, толстому юнцу с маленькими глазками и тупой физиономией нелегко принять достойный вид, и тем более это трудно, если к таким привлекательным чертам прибавить красный нос и короткие желтые штаны.

Оливер снял ставни и попытался перетащить их во дворик позади дома, куда их уносили на день, но, зашатавшись под тяжестью первого же ставня, разбил оконное стекло, после чего Ноэ, утешив его уверением, что «ему влетит», снисходительно пришел ему на помощь. Вскоре в лавку спустился мистер Саурбери. Вслед за ним появилась миссис Саурбери. Оливеру, согласно предсказанию Ноэ, «влетело», а потом он отправился с этим молодым джентльменом вниз завтракать.

– Подсаживайтесь к очагу, Ноэ, – сказала Шарлотт. – Я припасла для вас славный кусочек копченой грудинки от хозяйского завтрака... Оливер, притвори дверь за мистером Ноэ и возьми себе вот те объедки, которые я положила на крышку от кастрюльки. Вот твоя чашка чаю. Поставь ее на ящик, пей там и поторапливайся, потому что тебя скоро позовут в лавку. Слышишь?

– Слышишь, приходский щенок? – сказал Ноэ Клейпол.

– Ах, Боже мой, Ноэ! – воскликнула Шарлотт. – Какой вы чудной парень! Почему бы вам не оставить мальчика в покое?

– Оставить в покое! – повторил Ноэ. – Да ведь все и так оставили его в покое. Ни отец, ни мать никогда ни в чем ему не помешают. Все родственники позволяют ему идти своей дорогой. Правда, Шарлотт? Хи-хи-хи!

– Ах, чудак вы этакий! – воскликнула Шарлотт, заливаясь громким смехом, к которому присоединился и Ноэ.

Затем оба посмотрели с презрением на бедного Оливера Твиста, дрожащего на ящике в самом холодном углу комнаты и поедавшего вонючие объедки, отложенные специально для него. Ноэ был приютским мальчиком, а не сиротой из работного дома. Он не был подкидышем, так как мог проследить свою родословную вплоть до родителей, живших поблизости; мать его была прачкой, а отец – пьяницей-солдатом, вышедшим в отставку с деревянной ногой и ежедневной пенсией в два пенса с половиной и еще какой-то неудобопроизносимой дробью. Мальчишки из соседних лавок давно приобрели привычку клеймить Ноэ на улице позорными кличками, вроде «кожаные штаны», «приютский» и так далее, и Ноэ принимал их безропотно. Но теперь, когда судьба поставила на его пути безродного сироту, на которого даже самый ничтожный человек мог с презрением указать пальцем, он вымещал на нем свои обиды с лихвой.

Это дает превосходную пищу для размышлений. Мы видим, какой прекрасной может стать человеческая натура и как одни и те же приятные качества развиваются у благороднейшего лорда и самого грязного приютского мальчишки.

Прошло три-четыре недели с тех пор, как Оливер поселился у гробовщика. Лавка была закрыта, и мистер и миссис Саурбери ужинали в маленькой задней гостиной, когда мистер Саурбери, бросив несколько почтительных взглядов на жену, сказал:

– Дорогая моя...

Он хотел продолжать, но миссис Саурбери посмотрела на него столь неблагоприятно, что он запнулся.

– Ну? – резко спросила миссис Саурбери.

– Ничего, дорогая моя, ничего! – сказал мистер Саурбери.

– Уф, негодяй! – сказала миссис Саурбери.

– Право же, нет, дорогая моя, – смиренно отозвался мистер Саурбери. – Мне показалось, что ты не расположена слушать, дорогая. Я хотел только сказать...

– Ах, не говори мне, что ты там хотел сказать, – перебила миссис Саурбери. – Я – ничто; пожалуйста, не обращай ко мне за советом. Я не желаю выведывать твои секреты.

Произнеся эти слова, миссис Саурбери залилась истерическим смехом, который угрожал серьезными последствиями.

– Но, дорогая моя, – сказал мистер Саурбери, – я хочу с тобой посоветоваться.

– Нет, нет! Не советуйся со мной! – жалобным тоном промолвила миссис Саурбери. – Советуйся с кем-нибудь другим.

Тут снова раздался истерический смех, чрезвычайно испугавший мистера Саурбери. Такова весьма распространенная и рекомендуемая система обращения с супругом, которая часто приводит к желаемым результатам. Это немедленно побудило мистера Саурбери умолять, как об особом одолжении, чтобы ему было разрешено высказать то, что миссис Саурбери жаждала услышать.

После недолгих пререканий, занявших меньше трех четвертей часа, разрешение было милостиво дано.

– Это касается юного Твиста, дорогая моя, – сказал мистер Саурбери. – Он очень милый мальчик, дорогая.

– Еще бы, когда он столько ест! – заметила леди.

– У него меланхолическое выражение лица, дорогая моя, – продолжал мистер Саурбери, – и это делает его очень интересным... Из него, милочка, вышел бы превосходный немой плакальщик.

Миссис Саурбери с нескрываемым удивлением посмотрела на него. Мистер Саурбери подметил это и, не дожидаясь возражений со стороны доброй леди, продолжал:

– Я говорю не о настоящем немом плакальщике, присутствующем на похоронах у взрослых, а только о немом плакальщике для детей, дорогая. Было бы такой новинкой, милочка, иметь немого плакальщика соответствующего роста. Можешь быть уверена, что это производит прекрасное впечатление.

Миссис Саурбери, проявлявшая замечательный вкус, когда дело касалось похорон, была поражена новизной этой идеи; но так как признаться в этом при данных обстоятельствах значило бы уронить свое достоинство, она осведомилась только довольно резким тоном, почему эта простая мысль не приходила раньше в голову ее супругу. Мистер Саурбери правильно истолковал ее слова как согласие на его предложение. Итак, тут же было решено немедленно посвятить Оливера во все тайны ремесла, чтобы он мог сопровождать своего хозяина, как только потребуются его услуги.

Случай не замедлил представиться. На следующее утро, через полчаса после завтрака, в лавку вошел мистер Бамбл и, прислонив свою трость к прилавку, достал поместительный кожаный бумажник, откуда извлек клочок бумаги, который и протянул Саурбери.

– Эге! – сказал гробовщик, с просиявшей физиономией посмотрев на бумажку. – Заказ на гроб?

– Сначала гроб, потом приходские похороны, – ответил мистер Бамбл, затягивая ремешок кожаного бумажника, который, подобно ему самому, был очень тучен.

– Бейтон? – сказал гробовщик, переводя взгляд с клочка бумаги на мистера Бамбла. – Никогда не слыхал этой фамилии.

Бамбл, покачивая головой, ответил:

– Упрямый народ, мистер Саурбери, очень упрямый. Боюсь, что к тому же еще и гордый.

– Гордый? – усмехаясь, воскликнул гробовщик. – Ну, это уж слишком.

– Ох, это отвратительно – отвечал бидл. – Это безнравственно, мистер Саурбери.

– Совершенно верно, – согласился гробовщик.

– Об этом семействе мы услышали только третьего дня вечером, – продолжал бидл, – да и тогда мы бы ничего о нем не узнали, не будь в том же доме женщины, которая обратилась в приходский комитет с просьбой прислать приходского врача, чтобы он осмотрел больную, – ей, мол, очень худо. Врач уехал на званый обед, а его ученик (очень смысленный парнишка) сейчас же послал им в баночке из-под ваксы какое-то лекарство.

– Вот это быстрота! – сказал гробовщик.

– Именно так! – подтвердил бидл. – Но каковы были последствия, каково было поведение этих неблагодарных бунтовщиков? Муж присылает сказать, что это лекарство не помогает от той болезни, какой страдает его жена, и, стало быть, она не будет его принимать. Он говорит, что она не будет его принимать, сэр! Прекрасное, сильнодействующее, полезное лекарство, которое всего неделю назад очень помогло двум ирландским рабочим и грузчику угля... Его послали даром, в баночке из-под ваксы, а он присылает сказать, что она не будет его принимать, сэр!

Когда чудовищность этого поступка была воспринята мистером Бамблом во всей ее полноте, он сильно ударил тростью по прилавку и покраснел от негодования.

– О! – сказал гробовщик. – Мне бы и в голову никогда...

– Никогда, сэр! – воскликнул бидл. – И никому никогда! Но теперь, когда она умерла, нам приходится ее хоронить! Вот адрес, и чем скорее это будет сделано, тем лучше.

С этими словами мистер Бамбл в приступе лихорадочного возбуждения надел задом наперед свою треуголку и быстро вышел из лавки.

– Ах, Оливер, он так рассердился, что даже забыл спросить о тебе, – сказал мистер Саурбери, глядя вслед бидлу, шагавшему по улице.

– Да, сэр, – ответил Оливер, который во время этого свидания старался не попадаться на глаза бидлу, так как начинал дрожать с головы до ног при одном воспоминании о голосе мистера Бамбла.

Впрочем, он напрасно старался избежать взоров мистера Бамбла, ибо это должностное лицо, на которое предсказание джентльмена в белом жилете произвело очень сильное впечатление, полагало, что теперь, когда гробовщик взял Оливера к себе на испытание, разумнее избегать разговоров о нем, пока он не будет окончательно закреплен на семь лет по контракту, а тогда раз и навсегда, законным образом, минует опасность его возвращения на содержание прихода.

– Прекрасно! – проговорил мистер Саурбери, берясь за шляпу. – Чем скорее будет покончено с этим делом, тем лучше... Ноэ, присматривай за лавкой... Оливер, надень шапку и ступай за мной.

Оливер повиновался и последовал за хозяином, отправившимся исполнять свои профессиональные обязанности.

Сначала они шли по самым людным и густонаселенным кварталам города, а затем, свернув в узкую улицу, еще более грязную и жалкую, чем те, какие они уже миновали, они приостановились, отыскивая дом, являвшийся целью их путешествия. По обеим сторонам улицы дома были большие и высокие, но очень старые и населенные бедняками: об этом в достаточной мере свидетельствовали грязные фасады домов, и такой вывод не нуждался в подтверждении, каким являлись испитые лица нескольких мужчин и женщин, которые, скрестив на груди руки и согнувшись чуть ли не вдвое, крадучись, проходили по улице. В домах находились лавки, но они были заколочены и постепенно разрушались, и только верхние этажи были заселены. Некоторые дома, разрушившиеся от времени и ветхости, опирались, чтобы не рухнуть, на большие деревянные балки, припертые к стенам и врытые в землю у края мостовой. Но даже эти развалины, очевидно, служили ночным убежищем для бездомных бедняков, ибо необтесанные доски, закрывавшие двери и окна, были кое-где сорваны, чтобы в отверстие мог пролезть человек. В сточных канавах вода была затхлая и грязная. Даже крысы, которые разлагались в этой гнили, были омерзительно тощими.

Не было ни молотка, ни звонка у раскрытой двери, перед которой остановился Оливер со своим хозяином. Ощупью, осторожно пробираясь по темному коридору и уговаривая Оливера не отставать и не трусить, гробовщик поднялся во второй этаж. Наткнувшись на дверь, выходившую на площадку лестницы, он постучал в нее суставами пальцев.

Дверь открыла девочка лет тринадцати-четырнадцати. Гробовщик, едва заглянув в комнату, понял, что сюда-то он и послан. Он вошел; за ним вошел Оливер.

Огня в очаге не было, но какой-то человек по привычке сидел, сгорбившись, у холодного очага. Рядом с ним, придвинув низкий табурет к нетопленной печи, сидела старуха. В другом углу копошились оборванные дети, а в маленькой нише против двери лежало что-то, покрытое старым одеялом. Оливер, бросив взгляд в ту сторону, задрожал и невольно прижался к своему хозяину; хотя предмет и был прикрыт, он догадался, что это труп.

У мужчины было худое и очень бледное лицо; волосы и борода седые; глаза налиты кровью. У старухи лицо было сморщенное; два уцелевших зуба торчали над нижней губой, а глаза были острые и блестящие. Оливер боялся смотреть и на нее и на мужчину. Они слишком походили на крыс, которых он видел на улице.

– Никто к ней не подойдет! – злобно крикнул мужчина, вскочив с места, когда гробовщик направился к нише. – Не подходите! Будьте вы прокляты, не подходите, если вам дорога жизнь!

– Вздор, дружище! – сказал гробовщик, который привык к горю во всех его видах. – Вздор!

– Слушайте! – крикнул человек, сжав кулаки и в бешенстве топнув ногой. – Слушайте! Я не позволю зарыть ее в землю. Там она не найдет покоя: черви будут ей мешать... Глодать ее они не могут, так она иссохла.

В ответ на этот сумасшедший бред гробовщик не сказал ни слова; достав из кармана мерку, он опустился на колени перед покойницей.

– Ах! – воскликнул мужчина, залившись слезами и падая к ногам умершей. – На колени перед ней, на колени перед ней, вы все, и запомните мои слова! Говорю вам, ее уморили голодом! Я не знал, что ей так худо, пока у нее не началась лихорадка. И тогда обрисовались все ее кости. Не было ни огня в очаге, ни свечи. Она умерла в темноте – в темноте! Она не могла даже разглядеть лица своих детей, хотя мы слышали, как она окликала их по имени. Для нее я просил милостыню, а меня посадили в тюрьму. Когда я вернулся, она умерла, и кровь застыла у меня в жилах, потому что ее уморили голодом. Клянусь пред лицом Бога, который это видел, – ее уморили голодом!

Он вцепился руками в волосы и с громкими воплями стал кататься по полу; глаза его остановились, а на губах выступила пена.

Испуганные дети горько заплакали, но старуха, которая все время оставалась невозмутимой, как будто не слышала того, что происходило вокруг, угрозами заставила их замолчать. Развязав галстук мужчине, все еще лежавшему на полу, она, шатаясь, подошла к гробовщику.

– Это моя дочь, – сказала старуха, кивая головой в сторону покойницы и с идиотским видом подмигивая, что производило здесь еще более страшное впечатление, чем вид мертвеца. – Боже мой, Боже мой! Как это чудно! Я родила ее и была тогда молодой женщиной, теперь я весела и здорова, а она лежит здесь, такая холодная и застывшая! Боже мой, Боже мой, подумать только: ведь это прямо как в театре, прямо как в театре!

Пока жалкое создание шамкало и хихикало, предаваясь омерзительному веселью, гробовщик направился к двери.

– Пойдите! – громким шепотом окликнула старуха. – Когда ее похоронят – завтра, послезавтра или сегодня вечером? Я убирала ее к погребению, и я, знаете ли, должна идти за гробом. Пришлите мне большой плащ – хороший теплый плащ, потому что стоит лютый холод. И мы должны поесть пирожка и выпить вина, перед тем как идти! Ладно уж! Пришлите хлеба – ковригу хлеба и чашку воды... Миленький, будет у нас хлеб? – нетерпеливо спросила она, уцепившись за пальто гробовщика, когда тот снова двинулся к двери.

– Да, да, – сказал гробовщик. – Конечно. Все, что вы пожелаете!

Он вырвался из рук старухи и поспешно вышел, увлекая за собой Оливера.

На следующий день (тем временем семейству оказана была помощь в виде двух фунтов хлеба и куска сыру, доставленных самим мистером Бамблом) Оливер со своим хозяином вернулся в убогое жилище, куда уже прибыл мистер Бамбл в сопровождении четырех человек из работного дома, которым предстояло нести гроб. Ветхие черные плащи были брошены на лохмотья старухи и мужчины, и, когда привинтили крышку ничем не обитого гроба, носильщики подняли его на плечи и вынесли на улицу.

– А теперь шагайте быстрее, старая леди, – шепнул Саурбери на ухо старухе. – Мы опаздываем, а не годится, чтобы священник нас ждал. Вперед, ребята, во всю прыть!

После такого распоряжения носильщики пустились рысцой со своей легкой ношей, а двое провожающих изо всех сил старались не отставать. Мистер Бамбл и Саурбери бодро шагали впереди, а Оливер, у которого ноги были не такие длинные, как у его хозяина, бежал сбоку.

Впрочем, вопреки предположениям мистера Саурбери, не было необходимости спешить, ибо, когда они достигли заброшенного, заросшего крапивой уголка кладбища, отведенного для приходских могил, священника еще не было, а клерк, сидевший у камина в ризнице, считал вполне возможным, что он придет примерно через час. Поэтому гроб поставили у края могилы, и двое провожающих терпеливо ждали, стоя в грязи, под холодным морозящим дождем, а оборванные мальчишки, привлеченные на кладбище предстоящим зрелищем, затеяли шумную игру в прятки среди могильных плит или, придумав новое развлечение, перепрыгивали через гроб. Мистер Саурбери и Бамбл в качестве личных друзей клерка сидели с ним у камина и читали газету.

Наконец, по прошествии часа, показались мистер Бамбл, Саурбери и клерк, бежавшие к могиле. Немедленно вслед за ними появился священник, на ходу надевавший стихарь. Затем мистер Бамбл для соблюдения приличий поколотил двух-трех мальчишек, а священник, прочитав из погребальной службы столько, сколько можно было прочесть за четыре минуты, отдал стихарь клерку и ушел.

– Ну, Билл, – сказал Саурбери могильщику, – засыпайте могилу.

Работа была нетрудная: в могиле было столько гробов, что всего несколько футов отделили верхний гроб от поверхности земли. Могильщик набросал земли, притоптал ее ногами,

поднял на плечи лопату и удалился в сопровождении мальчишек, которые орали, досадуя на то, что потеха так скоро кончилась.

– Ступайте, приятель! – сказал Бамбл, похлопав по спине мужчину. – Сейчас запрут ворота кладбища.

Мужчина, который не шевельнулся с тех пор, как стал у края могилы, вздрогнул, поднял голову, посмотрел на говорившего, сделал несколько шагов и упал без чувств. Сумасшедшая старуха была слишком занята оплакиванием плаща (который снял с нее гробовщик), чтобы обращать внимание на мужчину. Поэтому его окатили холодной водой из кружки, а когда он очнулся, благополучно выпроводили с кладбища, заперли ворота и разошлись в разные стороны.

– Ну что, Оливер, – спросил Саурбери, когда они шли домой, – как тебе это понравилось?

– Ничего, благодарю вас, сэр, – нерешительно ответил Оливер. – Не очень, сэр.

– Со временем привыкнешь, Оливер, – сказал Саурбери. – Это пустяки, когда привыкнешь.

Оливер хотел бы знать, долго ли пришлось привыкать мистеру Саурбери. Но он счел более разумным не задавать этого вопроса и вернулся в лавку, размышляя обо всем, что видел и слышал.

Глава VI

Оливер, раздраженный насмешками Ноз, приступает к действиям и приводит его в немалое изумление

Месяц испытания истек, и Оливер был формально принят в ученики. Пора года была славная, несущая болезни. Выражаясь коммерческим языком, на гробы был спрос, и за несколько недель Оливер приобрел большой опыт. Успех хитроумной выдумки мистера Саурбери превзошел самые радужные его надежды. Старожилы не помнили, чтобы так свирепствовала корь и так косила младенцев; и много траурных процессий возглавлял маленький Оливер в шляпе с лентой, спускавшейся до колен, к невыразимому восторгу и умилению всех матерей города. Так как Оливер принимал участие вместе со своим хозяином также и в похоронах взрослых людей, чтобы приобрести невозмутимую осанку и умение владеть собой, насущно необходимые безупречному гробовщику, то у него было немало случаев наблюдать превосходное смирение и твердость, с какими иные сильные духом люди переносят испытания и утраты.

Так, например, когда Саурбери получал заказ на погребение какой-нибудь богатой старой леди или джентльмена, окруженных множеством племянников и племянниц, которые в течение всей болезни были поистине безутешны и предавались безудержной скорби даже на глазах посторонних, – эти самые особы чувствовали себя прекрасно в своем кругу и были весьма беззаботны, беседуя между собой столь весело и непринужденно, словно не случилось ровно ничего, что могло бы нарушить их покой. Да и мужья переносили потерю своих жен с героическим спокойствием. В свою очередь, жены, облакаясь в траур по своим мужьям, не только не горевали в этой одежде скорби, но как будто заботились о том, чтобы она была изящна и к лицу им. Можно было также заметить, что леди и джентльмены, претерпевавшие жестокие муки при церемонии погребения, приходили в себя немедленно по возвращении домой и совершенно успокаивались еще до окончания чаепития. Видеть все это было очень приятно и назидательно, и Оливер наблюдал за происходящим с великим восхищением.

Утверждать с некоторой степенью достоверности, будто пример этих добрых людей научил Оливера покорности судьбе, я не могу, хотя и являюсь его биографом; но я могу решительно заявить, что в течение многих месяцев он смиренно выносил помыкание и насмешки Ноз Клейпола, который стал обращаться с ним гораздо хуже, чем раньше, ибо почувствовал зависть, когда новый ученик получил черный жезл и ленту на шляпу, тогда как он, старый ученик, по-прежнему ходил в шляпе блином и в кожаных штанах. Шарлотт относилась к Оливеру плохо, потому что плохо относилась к нему Ноз; а миссис Саурбери оставалась непримиримым его врагом, потому что мистер Саурбери не прочь был стать его другом; и вот между этими четырьмя лицами, с одной стороны, и обилием похорон, с другой, Оливер чувствовал себя, пожалуй, не так приятно, как голодная свинья, когда ее по ошибке заперли в амбар с зерном при пивоварне.

А теперь я приступаю к очень важному эпизоду в истории Оливера, ибо мне предстоит поведать о происшествии, которое, хотя и может показаться пустым и незначительным, косвенным образом повлекло за собой существенную перемену во всех его делах и видах на будущее.

Однажды Оливер и Ноз спустились, по обыкновению, в обеденный час в кухню, чтобы угоститься бараниной – кусок был самый дрянной, фунта в полтора, – когда Шарлотт вызвали из кухни, а Ноз Клейпол, голодный и злой, решил, что этот короткий промежуток времени он использует наилучшим образом, если станет дразнить и мучить юного Оливера Твиста.

Намереваясь предаться сей невинной забаве, Ноз положил ноги на покрытый скатертью стол, потянул Оливера за волосы, дернул его за ухо и высказал мнение, что он «подлиза»; далее он заявил о своем желании видеть, как его вздернут на виселицу, когда бы ни наступило это

приятное событие, и сделал ряд других язвительных замечаний, каких можно было ждать от столь зловредного и испорченного приютского мальчишки. Но так как ни одна из этих насмешек не достигла желанной цели – не довела Оливера до слез, – Ноэ попытался проявить еще больше остроумия и совершил то, что многие пошлые остряки, пользующиеся большей славой, чем Ноэ, делают и по сей день, когда хотят поиздеваться над кем-либо. Он перешел на личности.

– Приходский щенок, – начал Ноэ, – как поживает твоя мать?

– Она умерла, – ответил Оливер. – Не говорите о ней ни слова.

При этом Оливер вспыхнул, стал дышать прерывисто, а губы и ноздри его начали как-то странно подергиваться, что, по мнению мистера Клейпола, неминуемо предвещало бурные рыдания. Находясь под этим впечатлением, он снова приступил к делу.

– Отчего она умерла, приходский щенок? – спросил Ноэ.

– От разбитого сердца, так мне говорили старые сиделки, – сказал Оливер, не столько отвечая Ноэ, сколько думая вслух. – Мне кажется, я понимаю, что значит умереть от разбитого сердца!

– Траляля-ля-ля, приходский щенок! – воскликнул Ноэ, когда слеза скатилась по щеке Оливера. – Что это довело тебя до слез?

– Не вы, – ответил Оливер, быстро смахнув слезу. – Не воображайте!

– Не я, вот как? – поддразнил Ноэ.

– Да, не вы! – резко ответил Оливер. – Ну а теперь довольно. Больше ни слова не говорите мне о ней. Лучше не говорите!

– Лучше не говорить! – воскликнул Ноэ. – Вот как! Лучше не говорить! Приходский щенок, да ты наглец! Твоя мать! Хороша она была, нечего сказать! О, Бог ты мой!

Тут Ноэ многозначительно кивнул головой и сморщил, насколько было возможно, свой крохотный красный носик.

– Знаешь ли, приходский щенок, – ободренный молчанием Оливера, он заговорил насмешливым, притворно соболезнующим тоном, – знаешь ли, приходский щенок, теперь уж этому не помочь, да и тогда, конечно, ты не мог помочь, и я очень этим огорчен. Разумеется, мы все огорчены и очень тебя жалеем. Но должен же ты знать, приходский щенок, что твоя мать была самой настоящей шлюхой.

– Что вы сказали? – вздрогнув, переспросил Оливер.

– Самой настоящей шлюхой, приходский щенок, – хладнокровно повторил Ноэ. – И знаешь, приходский щенок, хорошо, что она тогда умерла, иначе пришлось бы ей исполнять тяжелую работу в Брайдуэле, или отправиться за океан, или болтаться на виселице, вернее всего – последнее!

Побагровев от бешенства, Оливер вскочил, опрокинул стол и стул, схватил Ноэ за горло, тряхнул его так, что у того зубы застучали, и, вложив все свои силы в один тяжелый удар, сбил его с ног.

Минуту назад мальчик казался тихим, кротким, забитым существом, каким его сделало суровое обращение. Но наконец дух его возмутился: жестокое оскорбление, нанесенное покойной матери, воспламенило его кровь. Грудь его вздымалась; он выпрямился во весь рост; глаза горели; он был сам на себя не похож, когда стоял, грозно сверкая глазами, над трусливым своим мучителем, съезжившимся у его ног, и бросал вызов с энергией, доселе ему неведомой.

– Он меня убьет! – заревел Ноэ. – Шарлотт! Хозяйка! Новый ученик хочет убить меня! На помощь! На помощь! Оливер сошел с ума! Шарлотт!

На крик Ноэ ответила громким воплем Шарлотт и еще более громким – миссис Сауер-бери; первая вбежала в кухню из боковой двери, а вторая постояла на лестнице, пока окончательно не убедилась в том, что ни малейшая опасность не угрожает жизни человеческой, если спуститься вниз.

– Ах негодяй! – завизжала Шарлотт, вцепившись в Оливера изо всех сил, которые были примерно равны силам довольно крепкого мужчины, прекрасно их развивавшего. – Ах ты маленький неблаго-дар-ный, кро-во-жад-ный, мерз-кий негодяй!

И в промежутках между слогами Шарлотт наносила Оливеру полновесные удары, сопровождая их визгом в утеху всей компании.

Кулак у Шарлотт был довольно тяжелый, но, опасаясь, что кулака будет мало для усмирения взбешенного Оливера, миссис Саурбери ринулась в кухню и оказала Ноэ помощь, одной рукой придерживая Оливера, а другой царапая ему лицо. При таком благоприятном положении дел Ноэ поднялся с пола и принялся тузить Оливера кулаками по спине.

Это было, пожалуй, слишком энергическое упражнение, чтобы долго длиться. Выбившись из сил и устав бить и царапать, они поволокли Оливера, вырывавшегося и кричавшего, но не уstraшенного, в чулан и заперли его там. Когда с этим было покончено, миссис Саурбери упала в кресло и залилась слезами.

– Ах, Боже мой, она умирает! – воскликнула Шарлотт. – Ноэ, миленький, стакан воды! Скорей!

– О Шарлотт! – сказала миссис Саурбери, стараясь говорить внятно вопреки недостатку воздуха и избытку холодной воды, которой Ноэ облил ей голову и плечи. – О Шарлотт, какое счастье, что нас всех не зарезали в постели!

– О да! Это – счастье, миссис, – подтвердила та. – Надеюсь только, что это послужит уроком хозяину, чтобы он впредь не брал этих ужасных созданий, которым с самой колыбели предназначено стать убийцами и грабителями. Бедный Ноэ! Он был едва жив, миссис, когда я вошла.

– Бедняжка! – сказала миссис Саурбери, глядя с состраданием на приютского мальчика.

Ноэ, верхняя жилетная пуговица которого могла бы оказаться примерно на одном уровне с макушкой Оливера, тер глаза ладонями, пока его осыпали этими соболезнующими взглядами, и, жалобно всхлипывая, выжал из себя несколько слезинок.

– Что нам делать! – воскликнула миссис Саурбери. – Вашего хозяина нет дома, ни единого мужчины нет в доме, а ведь он через десять минут вышибет эту дверь.

Решительный натиск Оливера на упомянутый кусок дерева делал такое предположение в высшей степени правдоподобным.

– Ах, Боже мой! – сказала Шарлотт. – Не знаю, что делать, миссис... Не послать ли за полицией?

– Или за солдатами! – предложил мистер Клейпол.

– Нет! – сказала миссис Саурбери, вспомнив о старом приятеле Оливера. – Бегите к мистеру Бамблу, Ноэ, и скажите ему, чтобы он сейчас же, не теряя ни минуты, шел сюда! Бросьте искать шапку! Скорей! Вы можете на бегу прикладывать лезвие ножа к подбитому глазу. Опухоль спадет.

Ноэ не стал тратить времени на ответ и пустился во всю прыть. И как же были удивлены прохожие при виде приютского мальчика, прокладывавшего себе дорогу в уличной толчее, без шапки и со складным ножом, приложенным к глазу.

Глава VII

Оливер продолжает бунтовать

Ноэ Клейпол стремглав мчался по улицам и ни разу не остановился, чтобы перевести дух, пока не добежал до ворот работного дома. Помешкав здесь с минутку, чтобы хорошенько запастись всхлипываниями и скорчить плаксивую и испуганную мину, он громко постучал в калитку и предстал перед стариком нищим, открывшим ее, с такой унылой физиономией, что даже этот старик, который и в лучшие времена видел вокруг себя только унылые лица, с удивлением попятился.

– Что это случилось с мальчиком? – спросил старик нищий.

– Мистера Бамбла! Мистера Бамбла! – закричал Ноэ с ловко разыгранным отчаянием и таким громким и встревоженным голосом, что эти слова не только коснулись слуха самого мистера Бамбла, случайно находившегося поблизости, но привели его в смятение, и он выбежал во двор без треуголки – обстоятельство весьма любопытное и примечательное: оно свидетельствует о том, что даже бидл, действуя под влиянием внезапного сильного порыва, может временно потерять самообладание и забыть о собственном достоинстве.

– О мистер Бамбл, сэр! – вскричал Ноэ. – Оливер, сэр... Оливер...

– Что? Что такое? – перебил мистер Бамбл, глаза которого засветились радостью. – Неужели сбежал? Неужели он сбежал, Ноэ?

– Нет, сэр! Не сбежал, сэр! Он оказался злодеем! Он хотел убить меня, сэр, а потом хотел убить Шарлотт, а потом хозяйку. Ох, какая ужасная боль! Какие муки, сэр!

Тут Ноэ начал корчиться и извиваться, как угорь, тем самым давая понять мистеру Бамблу, что неистовое и кровожадное нападение Оливера Твиста привело к серьезным внутренним повреждениям, которые причиняют ему нестерпимую боль.

Увидев, что сообщенное им известие совершенно парализовало мистера Бамбла, он постарался еще усилить впечатление, принявшись сетовать на свои страшные раны в десять раз громче, чем раньше. Когда же он заметил джентльмена в белом жилете, шедшего по двору, вопли его стали еще более трагическими, ибо он правильно рассудил, что было бы весьма целесообразно привлечь внимание и привести в негодование вышеупомянутого джентльмена.

Внимание джентльмена было очень скоро привлечено. Не сделав и трех шагов, он гневно обернулся и спросил, почему этот дрянной мальчишка воет и почему мистер Бамбл не угостит его чем-нибудь так, чтобы эти звуки, названные воем, вырывались у него произвольно.

– Это бедный мальчик из приютской школы, сэр, – ответил мистер Бамбл. – Его чуть не убил – совсем уж почти убил – тот мальчишка, Твист.

– Черт возьми! – воскликнул джентльмен в белом жилете, остановившись как вкопанный. – Я так и знал! С самого начала у меня было странное предчувствие, что этот дерзкий мальчишка кончит виселицей!

– Он пытался также, сэр, убить служанку, – сказал мистер Бамбл, лицо которого приняло землистый оттенок.

– И свою хозяйку, – вставил мистер Клейпол.

– И своего хозяина, кажется, так вы сказали, Ноэ? – добавил мистер Бамбл.

– Нет, хозяина нет дома, а то бы он его убил, – ответил Ноэ. – Он сказал, что убьет.

– Ну? Он сказал, что убьет? – спросил джентльмен в белом жилете.

– Да, сэр, – ответил Ноэ. – И простите, сэр, хозяйка хотела узнать, не может ли мистер Бамбл уделить время, чтобы зайти туда сейчас и выпороть его, потому что хозяина нет дома.

– Разумеется, разумеется, – сказал джентльмен в белом жилете, благосклонно улыбаясь и поглаживая Ноэ по голове, которая находилась примерно на три дюйма выше его собствен-

ной. – Ты – славный мальчик, очень славный. Вот тебе пенни... Бамбл, отправляйтесь-ка с вашей тростью к Сауербери и посмотрите, что там нужно сделать. Не щадите его, Бамбл.

– Не буду щадить, сэр, – ответил Бамбл, поправляя дратву, которой был обмотан конец его трости, предназначенной для бичеваний.

– И Сауербери скажите, чтобы он его не щадил. Без синяков и ссадин от него ничего не добиться, – сказал джентльмен в белом жилете.

– Я позабочусь об этом, сэр, – ответил бидл.

И так как треуголка и трость были уже приведены в порядок, к удовольствию их владельца, мистер Бамбл поспешил с Ноз Клейполом в лавку гробовщика.

Здесь положение дел отнюдь не изменилось к лучшему. Сауербери еще не вернулся, а Оливер с прежним рвением колотил ногами в дверь погреба. Ярость его, по словам миссис Сауербери и Шарлотт, была столь ужасна, что мистер Бамбл счел благоразумным сперва начать переговоры, а потом уже отпереть дверь. С этой целью он в виде вступления ударил ногой в дверь, а затем, приложив губы к замочной скважине, произнес голосом низким и внушительным:

– Оливер!

– Выпустите меня! – отозвался Оливер из погреба.

– Ты узнаешь мой голос, Оливер? – спросил мистер Бамбл.

– Да, – ответил Оливер.

– И ты не боишься? Не трепещешь, когда я говорю? – спросил мистер Бамбл.

– Нет! – дерзко ответил Оливер.

Ответ, столь непохожий на тот, какой он ждал услышать и какой привык получать, не на шутку потряс мистера Бамбла. Он попятился от замочной скважины, выпрямился во весь рост и в немом изумлении посмотрел на присутствующих, переводя взгляд с одного на другого.

– Ох, мистер Бамбл, должно быть, он с ума спятил, – сказала миссис Сауербери. – Ни один мальчишка, будь он хотя бы наполовину в здравом рассудке, не осмелился бы так разговаривать с вами.

– Это не сумасшествие, миссис, – ответил мистер Бамбл после недолгого глубокого раздумья. – Это *мясо*.

– Что такое? – воскликнула миссис Сауербери.

– Мясо, миссис, мясо! – повторил Бамбл сурово и выразительно. – Вы его закормили, миссис. Вы пробудили в нем противоестественную душу и противоестественный дух, которые не подобает иметь человеку в его положении. Это скажут вам, миссис Сауербери, и члены приходского совета, а они – практические философы. Что делать беднякам с душой или духом? Хватит с них того, что мы им оставляем тело. Если бы вы, миссис, держали мальчика на каше, этого никогда бы не случилось.

– Ах, Боже мой! – возопила миссис Сауербери, набожно возведя глаза к потолку. – Вот что значит быть щедрой!

Щедрость миссис Сауербери по отношению к Оливеру выражалась в том, что она, не скупясь, наделяла его отвратительными объедками, которых никто другой не стал бы есть. И следовательно, было немало покорности и самоотвержения в ее согласии добровольно принять на себя столь тяжкое обвинение, выдвинутое мистером Бамблом. Надо быть справедливым и отметить, что в щедрости она была неповинна ни помышлением, ни словом, ни делом.

– Ах! – сказал мистер Бамбл, когда леди снова опустила глаза долу. – Единственное, что можно сейчас сделать, – это оставить его на день-другой в погребе, чтобы он немножко проголодался, а потом вывести его оттуда и кормить одной кашей, пока не закончится срок его обучения. Он из дурной семьи. Легко возбуждающиеся натуры, миссис Сауербери! И сиделка и доктор говорили, что его мать приплелась сюда, невзирая на такие препятствия и мучения, которые давным-давно убили бы любую добропорядочную женщину.

Когда мистер Бамбл довел свою речь до этого пункта, Оливер, услышав ровно столько, чтобы уловить снова упоминание о своей матери, опять заколотил ногами в дверь с таким неистовством, что заглушил все прочие звуки.

В этот критический момент вернулся Сауербери. Когда ему поведали о преступлении Оливера с теми преувеличениями, какие, по мнению обеих леди, могли наилучшим образом воспламенить его гнев, он немедленно отпер дверь погреба и вытащил за шиворот своего взбунтовавшегося ученика.

Одежда Оливера была разорвана в клочья во время избиения; лицо в синяках и царапинах; всклокоченные волосы падали ему на лоб. Но лицо его по-прежнему пылало от ярости, а когда его извлекли из темницы, он бросил грозный взгляд на Ноз и казался несколько не запуганным.

– Нечего сказать, хорош парень! – произнес Сауербери, встряхнув Оливера и угостив его пощечиной.

– Он ругал мою мать, – ответил Оливер.

– Ну так что за беда, если и ругал, неблагодарная, негодная ты тварь?! – воскликнула миссис Сауербери. – Она заслужила все, что он о ней говорил, и даже больше.

– Нет, не заслужила, – сказал Оливер.

– Нет, заслужила, – сказала миссис Сауербери.

– Это неправда! – крикнул Оливер. – Неправда!

Миссис Сауербери залилась потоком слез.

Этот поток слез лишил мистера Сауербери возможности сделать выбор. Если бы он хоть на минутку поколебался сурово наказать Оливера согласно всем прецедентам в супружеских размолвках, то заслужил бы, как поймет искушенный читатель, наименование скотины, чудовища, оскорбителя, гнусной пародии на мужчину и другие лестные отзывы, слишком многочисленные, чтобы их можно было уместить в пределах этой главы. Нужно отдать ему справедливость: поскольку простиралась его власть, – а она простиралась недалеко, – он был расположен щадить мальчика, может быть, потому, что это отвечало его интересам, а быть может, потому, что его жена не любила Оливера. Однако поток ее слез поставил его в безвыходное положение, и он отколотил Оливера так, что удовлетворил даже миссис Сауербери, а мистеру Бамблу, в сущности, уже незачем было пускаться в ход приходскую трость. До наступления ночи Оливер сидел под замком в чулане в обществе насоса и ломтя хлеба, а вечером миссис Сауербери, стоя за дверью, сделала ряд замечаний, отнюдь не лестных для памяти его матери, затем – Ноз и Шарлотт все это время осыпали его насмешками и остротами – приказала ему идти наверх, где находилось его жалкое ложе.

Оставшись один в безмолвии и тишине мрачной лавки гробовщика, Оливер только тогда дал волю чувствам, которые после такого дня могли пробудиться даже в душе ребенка. Он с презрением слушал язвительные замечания, он без единого крика перенес удары плетью, ибо сердце его исполнилось той гордости, которая заставила бы его молчать до последней минуты, даже если бы его поджаривали на огне. Но теперь, когда никто не видел и не слышал его, Оливер упал на колени и заплакал такими слезами, какие мало кто в столь юном возрасте имел основания проливать – к чести нашей, Бог дарует их смертным.

Долго оставался Оливер в этой позе. Свеча догорала в подсвечнике, когда он встал. Осторожно осматриваясь и чутко прислушиваясь, он потихоньку отпер дверь и выглянул на улицу.

Была холодная темная ночь. На взгляд мальчика, звезды были дальше от земли, чем он привык их видеть; ветра не было, и мрачные тени, отбрасываемые на землю деревьями, казались призрачными и мертвыми – так были они неподвижны. Он тихо запер дверь. При слабом свете догорающей свечи, увязав в носовой платок кое-какую свою одежду, он сел на скамейку и стал ждать утра.

Когда первый луч света пробился сквозь щели в ставнях, Оливер встал и снова снял дверные засовы. Робкий взгляд, брошенный вокруг, минутное колебание – и он притворил за собой дверь и очутился на улице.

Он посмотрел направо, потом налево, не зная, куда бежать. Он вспомнил, что повозки, выезжая из города, медленно поднимались на холм. Он избрал этот путь и, дойдя до тропинки, пересекавшей поле, которая, как он знал, дальше снова выходила на дорогу, свернул на эту тропинку и быстро пошел вперед.

Оливер прекрасно помнил, что по этой самой тропинке он бежал рысцой рядом с мистерам Бамблом, когда тот вел его с фермы в работный дом. Путь его лежал как раз мимо коттеджа. Сердце у него сильно забилося, когда он об этом подумал, и он чуть было не повернул назад. Но он уже прошел немалое расстояние и потерял бы много времени на обратный путь. К тому же было очень рано, и вряд ли были основания опасаться, что его видят. Итак, он двинулся вперед.

Он поравнялся с домом. По-видимому, в такой ранний час все обитатели его еще спали. Оливер остановился и заглянул в сад. Какой-то мальчик полел грядку; когда Оливер остановился, он поднял бледное личико – это был один из его прежних товарищей. Оливер обрадовался, что увидел его, прежде чем отсюда уйти: мальчик был моложе его, но Оливер жил с ним в дружбе и часто они вместе играли. Много раз их обоих били, морили голодом, сажали под замок.

– Тише, Дик! – сказал Оливер, когда мальчик подбежал к калитке и просунул между перекладинами худую руку, чтобы поздороваться с ним. – Никто еще не встал?

– Никто, кроме меня, – ответил мальчик.

– Дик, не говори, что ты меня видел, – сказал Оливер. – Я сбежал. Меня били и обижали, и я решил искать счастья где-нибудь далеко отсюда. Не знаю только где. Какой ты бледный!

– Я слышал, как доктор сказал, что я умру, – слабо улынувшись, ответил мальчик. – Я рад, что повидался с тобой, но уходи, уходи!

– Нет, я хочу попрощаться с тобой, – сказал Оливер. – Мы еще увидимся, Дик. Знаю, что увидимся! Ты будешь здоровым и счастливым!

– Надеюсь, – ответил мальчик. – После того как умру. Я знаю, доктор прав, Оливер, потому что мне часто снятся небо, ангелы и добрые лица, которых я никогда не вижу наяву. Поцелуй меня, – сказал мальчик, вскарабкавшись на низкую калитку и обвив ручонками шею Оливера. – Прощай, милый! Да благословит тебя Бог.

Это благословение произнесли уста ребенка, но Оливер впервые услышал, что на него призывают благословение, и в последующей своей жизни, полной борьбы, страданий, превратностей и невзгод, он никогда не забывал его.

Глава VIII

Оливер идет в Лондон. Он встречает на дороге странного молодого джентльмена

Оливер добрался до перелаза, которым кончалась тропинка, и снова вышел на большую дорогу. Было восемь часов. Хотя от города его отделяло почти пять миль, но до полудня он бежал, прячась за изгородями, опасаясь, что его преследуют и могут настигнуть. Наконец он сел отдохнуть у придорожного столба и впервые задумался о том, куда ему идти и где жить.

На столбе, у которого он сидел, было начертано крупными буквами, что отсюда до Лондона ровно семьдесят миль. Эта надпись вызвала у мальчика вереницу мыслей. Лондон!.. Величественный, огромный город!.. Никто – даже сам мистер Бамбл – никогда не сможет отыскать его там! Старики в работном доме говаривали, что ни один толковый парень не будет нуждаться, живя в Лондоне, и в этом большом городе существуют такие способы зарабатывать деньги, о каких понятия не имеют люди, выросшие в провинции. Это было самое подходящее место для бездомного мальчика, которому придется умереть на улице, если никто ему не поможет. Когда эти мысли пришли ему в голову, он вскочил и снова зашагал вперед.

Расстояние между ним и Лондоном уменьшилось еще на добрых четыре мили, прежде чем он сообразил, сколько он должен претерпеть, пока достигнет цели своего путешествия. Слегка замедлив шаги, он задумался о том, как ему туда добраться. В узелке у него была корка хлеба, грубая рубашка и две пары чулок. Кроме того, в кармане было пенни – подарок Сауэрбери после каких-то похорон, на которых Оливер особенно отличился. «Чистая рубашка, – подумал Оливер, – вещь прекрасная, так же как две пары заштопанных чулок и пенни; но от этого мало пользы тому, кто должен пройти шестьдесят пять миль в зимнюю пору».

Оливер, как и большинство людей, отличался чрезвычайной готовностью и умением подмечать трудности, но был совершенно беспомощен, когда нужно было придумать какой-нибудь осуществимый способ их преодолеть. И после долгих размышлений, оказавшихся бесплодными, он перебросил свой узелок через другое плечо и поплелся дальше.

В тот день Оливер прошел двадцать миль, и за все это время у него во рту не было ничего, кроме сухой корки хлеба и воды, которую он выпросил у дверей придорожного коттеджа. Когда стемнело, он свернул на луг и, забравшись в стог сена, решил лежать здесь до утра. Сначала ему было страшно, потому что ветер уныло завывал над оголенными полями. Ему было холодно, он был голоден и никогда еще не чувствовал себя таким одиноким. Но, очень устав от ходьбы, он скоро заснул и забыл о своих невзгодах.

К утру он озяб, окоченел и был так голоден, что поневоле обменял свое пенни на маленький хлебец в первой же деревне, через которую случилось ему проходить. Он прошел не больше двенадцати миль, когда снова спустилась ночь. Ступни его ныли, и от усталости подкашивались ноги. Прошла еще одна ночь, которую он провел в холодном, сыром месте, и ему стало еще хуже; когда наутро он тронулся в путь, то едва волочил ноги.

Он подождал у подножия крутого холма, пока приблизится почтовая карета, и попросил милостыню у пассажиров, сидевших снаружи, но мало кто обратил на него внимание, да и те сказали, чтобы он подождал, пока они поднимутся на вершину холма, а тогда они посмотрят, так ли он быстро побежит, чтобы получить полпенни. Бедный Оливер старался не отставать от кареты, но потерпел неудачу, он очень устал, и у него болели ноги. Наружные пассажиры спрятали в карман свои полупенни, заявив, что он – ленивый щенок и ровно ничего не заслуживает. И карета с грохотом укатила, оставив за собой только облако пыли.

В некоторых деревнях были прибиты большие цветные доски с предупреждением всем, кто просит милостыню в этой округе, что им грозит тюрьма. Оливера это всякий раз очень

пугало, и он спешил поскорее покинуть эти места. В других деревнях он стоял у гостиниц и горестно смотрел на прохожих; обычно это кончалось тем, что хозяйка гостиницы приказывала одному из фореиторов, слонявшихся поблизости, прогнать мальчишку, потому что – в этом она уверена – он хочет что-нибудь стащить. Если он просил милостыню у двери фермера, в девяти случаях из десяти грозили натравить на него собаку, а когда он просовывал нос в лавку, заходила речь о бидле, после чего у Оливера от страха пересыхало во рту, а ведь частенько у него во рту ничего, кроме слюны, не бывало.

В конце концов, не будь добросердечного сторожа у заставы и милосердной старой леди, страдания Оливера закончились бы гораздо скорее, так же как и страдания его матери, – иными словами, он упал бы мертвым на королевской большой дороге. Но сторож у заставы накормил его хлебом и сыром, а старая леди, внук которой, потерпев кораблекрушение, скитался босой в какой-то далекой стране, пожалела бедного сироту и дала ему то небольшое, что могла уделить; и самое главное, она подарила ему добрые, ласковые слова и слезы сочувствия и сострадания, запавшие в душу Оливера глубже, чем все перенесенные им доселе мучения.

На седьмой день после ухода из родного города Оливер, прихрамывая, медленно вошел рано утром в городок Барнет. Ставни на окнах были закрыты, улицы пустынные: никто еще не просыпался для повседневных дел. Солнце вставало во всем своем великолепии, но свет заставил Оливера только сильнее почувствовать свое полное одиночество и заброшенность, когда он с окровавленными ногами, покрытый пылью, сидел на ступеньках у какой-то двери.

Постепенно начали открываться ставни; поднялись шторы на окнах, и на улице появились прохожие. Иные на минутку приостанавливались и смотрели на Оливера или на ходу обоглаживались, чтобы взглянуть на него; но никто не пришел ему на помощь и не спросил, как он сюда попал. У него не хватило духу просить милостыню. И он по-прежнему сидел у двери.

Долго он сидел, съежившись, на ступеньке, удивляясь количеству трактиров (в каждом втором доме города Барнета помещалась таверна, большая или маленькая), равнодушно посматривая на проезжающие мимо кареты и размышляя о том, как странно, что им ничего не стоит проделать в несколько часов то, на что ему понадобилась целая неделя, в течение которой он проявил мужество и решимость, несвойственные его возрасту. Вдруг он заметил мальчика, который, безучастно пройдя мимо него несколько минут назад, вернулся и теперь очень пристально следил за ним с противоположной стороны улицы. Сначала он не придавал этому значения, но мальчик так долго занимался наблюдением, что Оливер поднял голову и тоже посмотрел на него в упор. Тогда мальчик перешел улицу и, подойдя к Оливеру, сказал:

– Эй, парнишка! Какая беда стряслась?

Мальчик, обратившийся с этим вопросом к юному путешественнику, был примерно одних с ним лет, но казался самым удивительным из всех мальчиков, каких случалось встречать Оливеру. Он был курносый, с плоским лбом, ничем не примечательной физиономией и такой грязный, каким только можно вообразить юнца, но напускал на себя важность и держался как взрослый. Для своих лет он был мал ростом, ноги у него были кривые, а глазки острые и противные. Шляпа едва держалась у него на макушке, ежеминутно грозя слететь; это случилось бы с ней не раз, если бы ее владелец не имел привычки то и дело встряхивать головой, после чего шляпа водворялась на прежнее место. На нем был сюртук взрослого мужчины, доходивший ему до пят. Обшлага он отвернул до локтя, выпростав кисти рук из рукавов, по-видимому, с той целью, чтобы засунуть их с вызывающим видом в карманы плисовых штанов, ибо руки он держал в карманах. Вообще это был самый развязный и самоуверенный молодой джентльмен, ростом около четырех футов шести дюймов и в блохеровских башмаках.

– Эй, парнишка! Какая беда стряслась? – сказал сей странный молодой джентльмен Оливеру.

– Я очень устал и проголодался, – со слезами на глазах ответил Оливер. – Я пришел издалека. Я иду вот уже семь дней.

– Семь дней! – воскликнул молодой джентльмен. – Понимаю. По приказу клюва, да? Но кажется, – добавил он, заметив удивленный взгляд Оливера, – ты не знаешь, что такое клюв, приятель?

Оливер скромно ответил, что, по его сведениям, упомянутое слово обозначает рот у птиц.

– До чего же он желторотый! – воскликнул молодой джентльмен. – Да ведь *клюв* — это судья! И если идешь по приказу клюва, то идешь не прямо вперед, а к петле, и с нее уже не сорваться. Ты никогда не бывал на ступальном колесе?

– На каком колесе? – спросил Оливер.

– На каком? Да, конечно, на ступальном, на том самом, которое занимает так мало места, что может вертеться в каменном кувшине. И чем лучше оно работает, тем хуже приходится людям, потому что, если людям хорошо живется, для него не найти рабочих... Но послушай, – продолжал молодой джентльмен, – тебе нужно задать корму, и ты его получишь. Я и сам теперь на мели – только и есть у меня, что боб да сорока, но уж коли на то пошло, я раскошелюсь. Вставай-ка! Ну!.. Вот так!.. В путь-дорогу!

Молодой джентльмен помог Оливеру подняться и повел его в ближайшую мелочную лавку, где купил ветчины и половину четырехфунтовой булки, или, как он выразился, «отрубей на четыре пенса»; ветчина сохранялась от пыли благодаря хитроумной уловке, заключающейся в том, что из булки вытаскивали часть мякиша, а вместо него запихивали ветчину. Взяв хлеб под мышку, молодой джентльмен свернул в небольшой трактир и прошел в заднюю комнату, служившую распивочной. Сюда, по распоряжению таинственного юнца, была принесена кружка пива, и Оливер, воспользовавшись приглашением своего нового друга, принялся за еду и ел долго и много, а в это время странный мальчик посматривал на него с величайшим вниманием.

– Идешь в Лондон? – спросил странный мальчик, когда Оливер наконец покончил с едой.

– Да.

– Квартира есть?

– Нет.

– Деньги?

– Нет.

Странный мальчик свистнул и засунул руки в карманы так глубоко, как только позволяли длинные рукава.

– Вы живете в Лондоне? – спросил Оливер.

– Да, когда бываю у себя дома, – ответил мальчик. – Ты бы не прочь отыскать какое-нибудь местечко, чтобы переночевать там сегодня, верно?

– Очень хотел бы, – ответил Оливер. – Я не спал под крышей с тех пор, как ушел из своего городка.

– Нечего тереть из-за этого глаза, – сказал молодой джентльмен. – Сегодня вечером я должен быть в Лондоне, а там у меня есть знакомый, почтенный старый джентльмен, который приютит тебя даром и сдачи не потребует, – конечно, если ему тебя представит джентльмен, которого он знает. А разве он меня не знает? О нет! Совсем не знает! Нисколько! Разумеется!

Молодой джентльмен улыбнулся, давая понять, что последние замечания были шутливо-ироническими, и допил пиво.

Неожиданное предложение дать приют было слишком соблазнительно, чтобы его отклонить. К тому же за ним тотчас же последовало уверение, что упомянутый старый джентльмен несомненно подыщет Оливеру хорошее место в самое ближайшее время. Это повело к более дружеской и душевной беседе, из которой Оливер узнал, что его друга зовут Джек Даукинс и что он пользуется особой любовью и покровительством вышеупомянутого пожилого джентльмена.

Наружность мистера Даукинса вряд ли свидетельствовала в пользу удобств, какие его патрон предоставлял тем, кого брал под свое покровительство. Но так как он вел довольно легкомысленные и развязные речи и вдобавок признался, что среди близких своих друзей больше известен под шутивным прозвищем «Ловкий Плут», Оливер заключил, что это беззаботный и беспутный малый, на которого поучения его благодетеля до сей поры не возымели действия. Находясь под этим впечатлением, он втайне решил поскорее заслужить доброе мнение старого джентльмена, и если Плут окажется неисправимым, что было более чем вероятно, он уклонится от чести поддерживать с ним знакомство.

Так как Джек Даукинс не хотел войти в Лондон, пока не стемнеет, то они ждали одиннадцати часов и только тогда подошли к заставе у Излингтона. От «Ангела» они свернули на Сент-Джон-роуд, прошли маленькой улочкой, заканчивающейся у театра Сэдлерс-Уэлс, миновали Эксмаут-стрит и Копис-роу, прошли по маленькому дворику около работного дома, пересекли Хоклиинтер-Хоул, оттуда повернули к Сафрен-Хилл, а затем к Грейт-Сафрен-Хилл, и здесь Плут стремительно помчался вперед, приказав Оливеру следовать за ним по пятам.

Хотя внимание Оливера было поглощено тем, чтобы не упустить из виду проводника, однако на бегу он изредка поглядывал по сторонам. Более гнусного и жалкого места он еще не видывал. Улица была очень узкая и грязная, а воздух насыщен зловонием. Много было маленьких лавчонок, но, казалось, единственным товаром являлись дети, которые даже в такой поздний час копошились в дверях или визжали в доме. Единственными заведениями, как будто преуспевавшими в этом обреченном на гибель месте, были трактиры, и в них орали во всю глотку отпетые люди – ирландские подонки. За крытыми проходами и дворами, примыкавшими к главной улице, виднелись домишки, сбившиеся в кучу, и здесь пьяные мужчины и женщины буквально барахтались в грязи, а из некоторых дверей крадучись выходили какие-то дюжие подозрительные парни, очевидно, отправлявшиеся по делам не особенно похвальным и безобидным.

Оливер подумал, не лучше ли ему улизнуть, но они уже спустились с холма. Проводник, схватив его за руку, отворил дверь дома около Филд-Лейн, втащил его в коридор и прикрыл за собой дверь.

– Эй, кто там? – раздался снизу голос в ответ на свист Плути.

– Плутни и удача! – был ответ.

По-видимому, это был пароль или сигнал, возвещавший о том, что все в порядке, так как на стену в дальнем конце коридора упал тусклый свет свечи, а из-за сломанных перил старой лестницы, ведущей в кухню, выглянуло лицо мужчины.

– Вас тут двое, – сказал мужчина, вытягивая руку со свечой, а другой рукой заслоняя глаза от света. – Кто этот второй?

– Новый товарищ, – ответил Джек Даукинс, подталкивая вперед Оливера.

– Откуда он взялся?

– Из страны желторотых... Феджин наверху?

– Да, сортирует утиралки. Ступайте наверх!

Свечу убрали, и лицо исчезло.

Оливер, одной рукой шаря в темноте, в то время как товарищ крепко сжимал в своей другую его руку, с большим трудом поднялся по темной ветхой лестнице, по которой его проводник взбирался с легкостью и быстротой, свидетельствовавшими о том, что она ему хорошо знакома. Он открыл дверь задней комнаты и втащил за собой Оливера.

Стены и потолок в этой комнате совсем почернели от времени и пыли. Перед очагом стоял сосновый стол, а на столе – свеча, воткнутая в бутылку из-под имбирного пива, две-три оловянные кружки, хлеб, масло и тарелка. На сковороде, подвешенной на проволоке к полке над очагом, поджаривались на огне сосиски, а наклонившись над ними, стоял с вилкой для поджаривания гренков очень старый, сморщенный еврей с всклокоченными рыжими волосами,

падавшими на его злобное, отталкивающее лицо. На нем был засаленный фланелевый халат с открытым воротом, а внимание свое он, казалось, делил между сковородкой и вешалкой, на которой висело множество шелковых носовых платков. Несколько дрянных старых мешков, служивших постелями, лежали один подле другого на полу. За столом сидели четыре-пять мальчиков не старше Плути и с видом солидных мужчин курили длинные глиняные трубки и угощались спиртным. Все они столпились вокруг своего товарища, когда тот шепнул несколько слов еврей, а затем повернулись и, ухмыляясь, стали смотреть на Оливера. Так поступил и еврей, не выпуская из рук вилки для поджаривания гренков.

– Это он самый и есть, Феджин, – сказал Джек Даукинс, – мой друг Оливер Твист.

Еврей усмехнулся и, отвесив Оливеру низкий поклон, подал ему руку и выразил надежду, что удостоится чести познакомиться с ним ближе. Вслед за этим Оливера окружили молодые джентльмены с трубками и очень крепко пожали ему обе руки – в особенности ту, в которой он держал свой узелок. Один из молодых джентльменов очень заботливо повесил его шапку, а другой был столь услужлив, что засунул руки в его карманы, чтобы Оливер вследствие своего крайнего утомления не трудился вынимать вещи из карманов, когда будет ложиться спать. Вероятно, их любезность простерлась бы еще дальше, если бы еврей не пустил в ход вилку, колотя ею предупредительных юношей по голове и по плечам.

– Мы очень рады познакомиться с тобой, Оливер, очень рады... – сказал еврей. – Плут, сними сосиски и придвинь ближе к огню бочонок для Оливера. Ты смотришь на носовые платки, да, миленький? Их много, правда? Мы их только что разобрали, приготовили к стирке. Вот и все, Оливер, вот и все. Ха-ха-ха!

Заключительные фразы вызвали шумное одобрение всех многообещающих питомцев веселого старого джентльмена. И среди этого шума они принялись за ужин.

Оливер съел свою порцию, а затем еврей налил ему стакан горячего джина с водой, приказав выпить залпом, потому что стакан нужен другому джентльмену. Оливер повиновался. Тотчас после этого он почувствовал, что его осторожно перенесли на один из мешков, потом он заснул глубоким сном.

Глава IX, *содержащая различные сведения о приятном старом джентльмене и его многообещающих питомцах*

На следующий день Оливер проснулся поздно после долгого, крепкого сна. В комнате никого не было, кроме старого еврея, который варил в кастрюльке кофе к завтраку и тихонько насвистывал, помешивая его железной ложкой. Он то и дело останавливался и прислушивался к малейшему шуму, доносившемуся снизу, а затем, удовлетворив свое любопытство, снова принимался насвистывать и помешивать ложкой.

Хотя Оливер уже не спал, но он еще не совсем проснулся. Бывает такое дремотное состояние между сном и бодрствованием, когда вы лежите с полужакрытыми глазами и наполовину сознаете все, что происходит вокруг, и, однако, вам за пять минут может пригрезиться больше, чем за пять ночей, хотя бы вы их провели с плотно закрытыми глазами и ваши чувства были погружены в глубокий сон. В такие минуты смертный знает о своем духе ровно столько, чтобы составить себе смутное представление о его великом могуществе, о том, как он отрывается от земли и отменяет время и пространство, освободившись от уз, налагаемых на него телесной его оболочкой.

Именно таким было состояние Оливера. Из-под полуопущенных век он видел еврея, слышал его тихое посвистывание и догадывался по звуку, что ложка скребет края кастрюли, и, однако, в то же самое время мысли его были заняты чуть ли не всеми, кого он когда-либо знал.

Когда кофе был готов, еврей снял кастрюльку с подставки на очаге, где она нагревалась. Постояв несколько минут в раздумье, словно не зная, чем заняться, он обернулся, посмотрел на Оливера и окликнул его по имени. Тот не отозвался, – по-видимому, он спал.

Успокоившись на этот счет, еврей потихоньку подошел к двери и запер ее. Затем он вытащил – из какого-то тайника под полом, как показалось Оливеру, – небольшую шкатулку, которую осторожно поставил на стол. Глаза его блеснули, когда он, приподняв крышку, заглянул туда.

Придвинув к столу старый стул, он сел и вынул из шкатулки великолепные золотые часы, сверкавшие драгоценными камнями.

– Ого! – сказал еврей, приподняв плечи и скривив лицо в омерзительную улыбку. – Умные, собаки! Умные, собаки! Верные до конца! Так и не сказали старому священнику, где они были. Не донесли на старого Феджина! Да и к чему было доносить? Все равно это не развязало бы узла и ни на минуту не отсрочило бы конца. Да! Молодцы! Молодцы!

Бормоча себе под нос эти слова, еврей снова спрятал часы в то же надежное место. По крайней мере еще с полдюжины часов он извлек по очереди из шкатулки и рассматривал их с не меньшим удовольствием, так же как и кольца, брошки, браслеты и другие драгоценные украшения, столь же искусно сделанные, о которых Оливер не имел ни малейшего представления и даже не знал, как они называются.

Положив обратно эти драгоценные безделушки, еврей достал еще одну, умещающуюся у него на ладони. Очевидно, на ней было что-то написано очень мелкими буквами, потому что он положил ее на стол и, заслонясь рукой от света, разглядывал очень долго и внимательно. Наконец он спрятал ее, словно отчаявшись в успехе, и, откинувшись на спинку стула, пробормотал:

– Превосходная штука – смертная казнь! Мертвые никогда не каются. Мертвые никогда не выбалтывают неприятных вещей. Ах и славная это штука для такого ремесла! Пятерых вздержнули, и ни одного не осталось, чтобы заманить в ловушку сообщников или отпраздновать труса!

Когда еврей произнес эти слова, его блестящие темные глаза, рассеянно смотревшие в пространство, остановились на лице Оливера. Глаза мальчика с безмолвным любопытством были прикованы к нему, и, хотя их взгляды встретились на одно мгновение – на кратчайшую долю секунды, – этого было достаточно, чтобы старик понял, что за ним следят. Он с треском захлопнул шкатулку и, схватив хлебный нож, лежавший на столе, в бешенстве вскочил. Но он трясся всем телом, и Оливер, несмотря на ужасный испуг, заметил, как дрожит в воздухе нож.

– Что это значит? – крикнул еврей. – Зачем ты подсматриваешь за мной? Почему не спишь? Что ты видел? Говори! Живей, живей, если тебе дорога жизнь!

– Я больше не мог спать, сэр, – робко ответил Оливер. – Простите, если я вам помешал, сэр.

– Ты уж час как не спишь? – спросил еврей, злобно глядя на мальчика.

– Нет! О нет! – ответил Оливер.

– Это правда? – крикнул еврей, бросив еще более злобный взгляд и приняв угрожающую позу.

– Клянусь, я спал, сэр, – с жаром ответил Оливер. – Право же, сэр, я спал.

– Полно, полно, мой милый, – сказал еврей, неожиданно вернувшись к прежней своей манере обращения, и поиграл ножом, прежде чем положить его на стол, словно желая показать, что нож он схватил просто для забавы. – Конечно, я это знаю, мой милый. Я хотел только напугать тебя. Ты храбрый мальчик. Ха-ха! Ты храбрый мальчик, Оливер!

Еврей, хихикая, потер руки, но тем не менее с беспокойством посмотрел на шкатулку.

– Ты видел эти хорошенькие вещички, мой мальчик? – помолчав, спросил еврей, положив на шкатулку руку.

– Да, сэр, – ответил Оливер.

– А! – сказал еврей, слегка побледнев. – Это... это мои вещи, Оливер. Мое маленькое имущество. Все, что у меня есть, чтобы прожить на старости лет. Меня называют скрягой, мой милый. Скрягой, только и всего.

Оливер подумал, что старый джентльмен, должно быть, и в самом деле настоящий скряга, если, имея столько часов, живет в такой грязной дыре; но, решив, что его заботы о Плуте и других мальчиках связаны с большими расходами, он бросил почтительный взгляд на еврея и попросил разрешения встать.

– Разумеется, мой милый, разумеется, – ответил старый джентльмен. – Вот там в углу, у двери, стоит кувшин с водой. Принеси его сюда, а я дам тебе таз, и ты, милый мой, умоешься.

Оливер встал, прошел в другой конец комнаты и наклонился, чтобы взять кувшин. Когда он обернулся, шкатулка уже исчезла.

Он едва успел умыться, привести себя в порядок и, по указанию еврея, выплеснул воду из таза за окно, как вернулся Плут в сопровождении своего бойкого молодого друга, которого накануне вечером Оливер видел с трубкой; теперь он был официально ему представлен как Чарли Бейтс. Вчетвером они сели за завтрак, состоявший из кофе, ветчины и горячих булочек, принесенных Плутом в шляпе.

– Ну, – сказал еврей, лукаво посмотрев на Оливера и обращаясь к Плуту, – надеюсь, мои милые, вы поработали сегодня утром?

– Здорово, – ответил Плут.

– Как черти, – добавил Чарли Бейтс.

– Славные ребята, славные ребята! – продолжал еврей. – Что ты принес, Плут?

– Два бумажника, – ответил сей молодой джентльмен.

– С прокладкой? – нетерпеливо осведомился еврей.

– Довольно плотной, – ответил Плут, подавая два бумажника – один зеленый, другой красный.

– Могли бы быть потяжелее, – заметил еврей, внимательно ознакомившись с их содержимым, – но сделаны очень мило и аккуратно... Он искусный работник, правда, Оливер?

– О да, очень искусный, сэр, – сказал Оливер.

Тут юный Чарльз Бейтс оглушительно захохотал, к большому удивлению Оливера, который не видел ровно ничего смешного в том, что происходило.

– А ты что принес, мой милый? – обратился Феджин к Чарли Бейтсу.

– Утиралки, – ответил юный Бейтс, доставая четыре носовых платка.

– И то хорошо, – сказал еврей, пристально их рассматривая. – Недурны, совсем недурны. Но ты плохо их пометил, Чарли, – придется спороть метки иголкой. Мы научим Оливера, как это делается... Научить тебя, Оливер? Ха-ха-ха!

– Пожалуйста, сэр, – ответил Оливер.

– Тебе хотелось бы делать носовые платки так же искусно, как Чарли Бейтс, мой милый?

– Очень, сэр, если вы меня научите, – ответил Оливер.

Юный Бейтс усмотрел нечто столь смешное в этом ответе, что снова разразился хохотом; и этот хохот едва не привел к преждевременной смерти от удушения, так как он пил кофе, который и попал в дыхательное горло.

– Уж очень он желторотый! – оправившись, сказал Чарли, принося извинения за свою неучтивость.

Плут промолчал и только взъерошил Оливеру волосы так, что они упали ему на глаза, а потом сказал, что со временем он поумнеет. Тут старый джентльмен, заметив, как покраснел Оливер, переменял тему разговора и спросил, много ли народу глазело утром на казнь. Оливер удивился еще больше, так как из ответа мальчиков выяснилось, что они оба там были, и он, разумеется, не понимал, когда же они успели так усердно поработать.

После завтрака, когда убрали со стола, веселый старый джентльмен и оба мальчика затеяли любопытную и необычную игру: веселый старый джентльмен, положив в один карман брюк табакерку, в другой – записную книжку, а в жилетный карман – часы с цепочкой, обвивавшей его шею, и приколов к рубашке булавку с фальшивым бриллиантом, наглухо застегнул сюртук, сунул в карманы футляр от очков и носовой платок и с палкой в руке принялся расхаживать по комнате, подражая тем пожилым джентльменам, которых можно увидеть в любой час дня прогуливающимися по улице. Он останавливался то перед очагом, то у двери, делая вид, будто с величайшим вниманием рассматривает витрины. При этом он то и дело озирался, опасаясь воров, и, желая убедиться, что ничего не потерял, поочередно по всем карманам так забавно и натурально, что Оливер смеялся до слез. Все время оба мальчика следовали за ним по пятам, а когда он оборачивался, так ловко скрывались из поля его зрения, что невозможно было за ними уследить. Наконец Плут не то наступил ему на ногу, не то случайно за нее зацепился, а Чарли Бейтс налетел на него сзади, и в одно мгновение они с удивительным проворством стянули у него табакерку, записную книжку, часы с цепочкой, булавку, носовой платок и даже футляр от очков.

Если старый джентльмен ощущал чью-то руку в кармане, он кричал, в каком кармане рука, и тогда игра начиналась сызнова.

Когда в эту игру сыграли много раз подряд, явились две молодые леди навестить молодых джентльменов; одну из них звали Бет, а другую Нэнси. У них были чрезвычайно пышные волосы, не очень аккуратно причесанные, и грязноватые чулки и башмаки. Пожалуй, их нельзя было назвать хорошенькими, но румянец у них был яркий, и они казались здоровыми и жизнерадостными. Держали они себя очень мило и непринужденно, и Оливер решил, что они славные девушки. И несомненно так оно и было.

Эти гости пробыли долго. Подали виски, так как одна из молодых леди пожаловалась, что внутри у нее все застыло. Завязалась беседа, очень оживленная и поучительная. Наконец Чарли Бейтс заявил, что пора, по его мнению, поразмять копыта. Оливер решил, что, по-видимому,

это значит прогуляться, так как немедленно вслед за этим Плут, Чарли и обе молодые леди ушли все вместе, получив предварительно деньги на расходы от любезного старого еврея.

– Так-то, мой милый, – сказал Феджин. – Приятная жизнь, не правда ли? Они ушли на целый день.

– Со своей работой они уже покончили, сэр? – спросил Оливер.

– Совершенно верно, – ответил еврей, – разве что им подвернется какое-нибудь дельце во время прогулки, а уж тогда они им займутся, мой милый, можешь не сомневаться в этом. Бери с них пример, милый мой. Бери с них пример, – повторил он, постукивая по очагу лопаткой для угля, чтобы придать своим словам больше веса. – Делай все, что они тебе прикажут, и во всем слушайся их советов, в особенности, мой милый, советов Плути. Он будет великим человеком и тебя сделает таким же, если ты станешь ему подражать. Кстати, мой милый, не торчит ли у меня из кармана носовой платок? – спросил вдруг еврей.

– Да, сэр, – ответил Оливер.

– Посмотрим, удастся ли тебе его вытащить так, чтобы я не заметил. Утром ты видел, как они это делали, когда мы играли.

Оливер одной рукой придержал карман снизу, как это делал на его глазах Плут, а другой осторожно вытащил платок.

– Готово? – воскликнул еврей.

– Вот он, сэр! – сказал Оливер, показывая платок.

– Ты ловкий мальчуган, мой милый, – сказал старый джентльмен, одобрительно погладив Оливера по голове. – Никогда еще я не видывал такого шустрого мальчишки. Вот тебе шиллинг. Если ты будешь продолжать в этом духе, из тебя выйдет величайший человек в мире. А теперь иди сюда, я тебе покажу, как спарывают метки с платков.

Оливер не понимал, почему кража – в шутку – носового платка из кармана старого джентльмена имеет отношение к его шансам стать великим человеком. Но полагая, что еврей, который был много старше его, прекрасно об этом осведомлен, он послушно подошел к столу и вскоре углубился в новую работу.

Глава X

Оливер ближе знакомится с новыми товарищами и дорогой ценой приобретает опыт. Короткая, но очень важная глава в этом повествовании

Много дней Оливер не выходил из комнаты еврея, спарывая метки с носовых платков (их приносили в большом количестве), а иной раз принимая участие в описанной выше игре, которую оба мальчика и еврей затевали каждое утро. Наконец он начал тосковать по свежему воздуху и не раз умолял старого джентльмена разрешить ему пойти на работу с двумя его товарищами.

Оливеру не терпелось приступить к работе еще и потому, что он узнал суровый, добродетельный нрав старого джентльмена. Если Плут и Чарли Бейтс приходили вечером домой с пустыми руками, он с жаром толковал о гнусной привычке к праздности и безделью и внушал им необходимость вести трудовую жизнь, отправляя их спать без ужина. Однажды он даже спустил обоих с лестницы, но, пожалуй, тут он слишком далеко зашел в своих моральных поучениях.

Наконец настало утро, когда Оливер получил разрешение, которого так ревностно добивался. Вот уже два-три дня не приносили носовых платков, ему нечего было делать, и обеды стали довольно скудными. Быть может, по этой-то причине старый джентльмен дал свое согласие. Как бы там ни было, он позволил Оливеру идти и поручил его заботам Чарли Бейтса и его приятеля Плута.

Мальчики втроем отправились в путь. Плут, по обыкновению, шел с подвернутыми рукавами и в заломленной набекрень шляпе; юный Бейтс шествовал, заложив руки в карманы, а между ними брел Оливер, недоумевая, куда они идут и какому ремеслу он будет обучаться в первую очередь.

Брели они лениво, не спеша, и Оливер вскоре начал подумывать, не хотят ли его товарищи обмануть старого джентльмена и вовсе не пойти на работу. Вдобавок у Плута была дурная привычка сдергивать шапки с ребят и забрасывать их во дворы, а Чарли Бейтс обнаружил весьма непохвальное понятие о правах собственности, таская яблоки и луковицы с лотков, стоящих вдоль тротуара, и рассовывая их по карманам, столь поместительным, что казалось, его костюм весь состоит из них. Это так не нравилось Оливеру, что он собирался заявить о своем намерении идти назад, как вдруг мысли его приняли другое направление, так как поведение Плута весьма загадочно изменилось.

Они только что вышли из узкого двора неподалеку от площади в Клеркенуэле, которая неведомо почему называется «Лужайкой», как вдруг Плут остановился и, приложив палец к губам, с величайшей осторожностью потащил своих товарищей назад.

– Что случилось? – спросил Оливер.

– Тсс... – зашептал Плут. – Видишь вон того старикашку у книжного ларька?

– Старого джентльмена на той стороне? – спросил Оливер. – Вижу.

– Годится! – сказал Плут.

– Первый сорт! – заметил юный Чарли Бейтс.

Оливер с величайшим изумлением переводил взгляд с одного на другого, но задать вопроса не пришлось, так как оба мальчика незаметно перебежали через дорогу и подкрались сзади к старому джентльмену, которого показали ему раньше. Оливер сделал несколько шагов и, не зная, идти ли ему за ними или пойти назад, остановился и взирал на них с безмолвным удивлением.

Старый джентльмен с напудренной головой и в очках в золотой оправе имел вид весьма почтенный. На нем был бутылочного цвета фрак с черным бархатным воротником и светлые брюки, а под мышкой он держал изящную бамбуковую трость. Он взял с прилавка книгу и стоя читал ее с таким вниманием, как будто сидел в кресле у себя в кабинете. Очень возможно, что он и в самом деле воображал, будто там сидит: судя по его сосредоточенному виду, было ясно, что он не замечает ни прилавка, ни улицы, ни мальчиков – короче говоря, ничего, кроме книги, которую усердно читал; дойдя до конца страницы, он переворачивал лист, начинал с верхней строки следующей страницы и продолжал читать с величайшим интересом и вниманием.

Каковы же были ужас и смятение Оливера, остановившегося в нескольких шагах и смотревшего во все глаза, когда он увидел, что Плут засунул руку в карман старого джентльмена и вытащил оттуда носовой платок, увидел, как он передал этот платок Чарли Бейтсу и, наконец, как они оба бросились бежать и свернули за угол.

В одно мгновение мальчику открылась тайна носовых платков, и часов, и драгоценных вещей, и еврея. Секунду он стоял неподвижно, и от ужаса кровь бурлила у него в жилах так, что ему казалось, будто он в огне; потом, растерянный и испуганный, он кинулся прочь и, сам не понимая, что делает, бежал со всех ног.

Все это произошло в одну минуту. В тот самый момент, когда Оливер бросился бежать, старый джентльмен сунул руку в карман и, не найдя носового платка, быстро оглянулся. При виде удиравшего мальчика он, разумеется, заключил, что это и есть преступник, и, закричав во все горло: «Держите вора!» – пустился за ним с книгой в руке.

Но не один только старый джентльмен поднял тревогу. Плут и юный Бейтс, не желая бежать по улице и тем привлечь к себе всеобщее внимание, спрятались в первом же подъезде за углом. Услышав крик и увидев бегущего Оливера, они сразу угадали, что произошло, поспешили выскочить из подъезда и с криком: «Держите вора!» – приняли участие в погоне, как подобает добрым гражданам.

Хотя Оливер был воспитан философами, он теоретически не был знаком с превосходной аксиомой, что самосохранение есть первый закон природы. Будь он с нею знаком, он оказался бы к этому подготовленным. Но он не был подготовлен и тем сильнее испугался; посему он летел как вихрь, а за ним с криком и ревом гнались старый джентльмен и два мальчика.

«Держите вора! Держите вора!» Есть в этих словах магическая сила. Лавочник покидает свой прилавок, а возчик свою подводу, мясник бросает свой лоток, булочник свою корзину, молочник свое ведро, рассыльный свои свертки, школьник свои шарики, мостильщик свою кирку, ребенок свой волан. И бегут они как попало, впереमेжку, наобум, толкаются, орут, кричат, заворачивая за угол, сбивают с ног прохожих, пугают собак и приводят в изумление кур; а улицы, площади и дворы оглашаются криками.

«Держите вора! Держите вора!» Крик подхвачен сотней голосов, и толпа увеличивается на каждом углу. И мчатся они, шлепая по грязи и топая по тротуарам; открываются окна, выбегают из домов люди, вперед летит толпа, зрители покидают Панча в самый разгар его приключений и, присоединившись к людскому потоку, подхватывают крики и с новой энергией вопят: «Держите вора! Держите вора!»

«Держите вора! Держите вора!» Глубоко в человеческом сердце заложена страсть *травить кого-нибудь*. Несчастный, измученный ребенок, задыхающийся от усталости, – ужас на его лице, отчаяние в глазах, крупные капли пота стекают по щекам, – напрягает каждый нерв, чтобы уйти от преследователей, а они бегут за ним и, с каждой секундой к нему приближаясь, видят, что силы ему изменяют, и орут еще громче, и гикают, и режут от радости. «Держите вора!» О да, ради Бога, задержите его хотя бы только из сострадания!

Наконец задержали! Ловкий удар. Он лежит на мостовой, а толпа с любопытством его окружает. Вновь прибывающие толкаются и протискиваются вперед, чтобы взглянуть на него. «Отойдите в сторону!» – «Дайте ему воздуха!» – «Вздор! Он его не заслуживает». – «Где этот

джентльмен?» – «Вот он, идет по улице». – «Пропустите вперед джентльмена!» – «Это тот самый мальчик, сэр?» – «Да».

Оливер лежал, покрытый грязью и пылью, с окровавленным ртом, бросая обезумевшие взгляды на лица окружавших его людей, когда самые быстроногие его представители угодливо привели и втолкнули в круг старого джентльмена.

– Да, – сказал джентльмен, – боюсь, что это тот самый мальчик.

– Боится! – пробормотали в толпе. – Добряк!

– Бедняжка! – сказал джентльмен. – Он ушибся.

– Это я, сэр! – сказал здоровенный, неуклюжий парень, выступив вперед. – Вот разбил себе кулак о его зубы. Я его задержал, сэр.

Парень, ухмыльнувшись, притронулся к шляпе, ожидая получить что-нибудь за труды, но старый джентльмен, посмотрев на него с неприязнью, тревожно оглянулся, как будто, в свою очередь, подумывал о бегстве. Весьма возможно, что он попытался бы это сделать и началась бы новая погоня, если бы в эту минуту не пробился сквозь толпу полисмен (который в таких случаях обычно является последним) и не схватил Оливера за шиворот.

– Ну, вставай! – грубо сказал он.

– Право же, это не я, сэр. Право же, это два других мальчика! – воскликнул Оливер, с отчаянием сжимая руки и осматриваясь вокруг. – Они где-нибудь здесь.

– Ну, здесь их нет, – сказал полисмен. Он хотел придать иронический смысл своим словам, но они соответствовали истине: Плут и Чарли Бейтс удрали, воспользовавшись первым подходящим для этой цели двором. – Вставай!

– Не обижайте его! – мягко сказал старый джентльмен.

– Нет, я-то его не обижу! – отвечал полисмен и в доказательство своих слов чуть не сорвал с Оливера куртку. – Идем, я тебя знаю, брось эти штуки. Встанешь ты наконец на ноги, чертенок?

Оливер, который едва мог стоять, ухитрился подняться на ноги, и тотчас его потащили за шиворот по улице. Джентльмен шагнул рядом с полисменом, а те из толпы, что были попроворнее, забежали вперед и то и дело оглядывались на Оливера. Мальчишки торжествующе орали, а они продолжали путь.

Глава XI

повествует о мистере Фэнге, полицейском судье, и дает некоторое представление о его способе отправлять правосудие

Преступление было совершено в районе, входившем в границы весьма известного полицейского участка столицы. Толпа имела удовольствие сопровождать Оливера только на протяжении двух-трех улиц и по так называемому Маттон-Хилл, а затем его провели под низкой аркой в грязный двор полицейского суда. В этом маленьком мощеном дворике их встретил дородный мужчина с клочковатыми бакенбардами на лице и связкой ключей в руке.

– Что тут еще случилось? – небрежно спросил он.

– Охотник за носовыми платками, – ответил человек, который привел Оливера.

– Вы – пострадавшая сторона, сэр? – осведомился человек с ключами.

– Да, я, – ответил старый джентльмен, – но я не уверен в том, что этот мальчик действительно стащил у меня носовой платок... Мне... мне бы хотелось не давать хода этому делу.

– Теперь остается только идти к судье, – сказал человек с ключами. – Его честь освободится через минуту. Ступай, молодой висельник.

Этимися словами он пригласил Оливера войти в отпертую им дверь, ведущую в камеру с кирпичными стенами. Здесь Оливера обыскали и, не найдя у него ничего, заперли.

Камера своим видом и размерами напоминала погреб, но освещалась куда хуже. Она оказалась нестерпимо грязной; было утро понедельника, а с субботнего вечера здесь сидели под замком шестеро пьяниц. Но это пустяки. В наших полицейских участках каждый вечер сажают под арест мужчин и женщин по самым ничтожным *обвинениям* — это слово достойно быть отмеченным – в темницы, по сравнению с которыми камеры в Ньюгете, занятые самыми опасными преступниками, коих судили, признали виновными и приговорили к смертной казни, напоминают дворцы. Пусть тот, кто в этом сомневается, сравнит их сам.

Когда ключ заскрежетал в замке, старый джентльмен был опечален почти так же, как Оливер. Он со вздохом обратился к книге, которая послужила невольной причиной происшедшего переполюха.

– В лице этого мальчика, – сказал старый джентльмен, медленно отходя от двери и с задумчивым видом похлопывая себя книгой по подбородку, – в лице этого мальчика есть что-то такое, что меня трогает и интересует. Может ли быть, что он не виновен? Лицо у него такое... Да, кстати! – воскликнул старый джентльмен, вдруг остановившись и подняв глаза к небу. – Ах, Боже мой! Где ж это я раньше мог видеть такое лицо?

После нескольких минут раздумья старый джентльмен все с тем же сосредоточенным видом вошел в прихожую перед камерой судьи, выходящую во двор, и здесь, отступив в угол, воскресил в памяти длинную вереницу лиц, над которыми уже много лет назад спустился сумеречный занавес.

– Нет! – сказал старый джентльмен, покачивая головой. – Должно быть, это моя фантазия!

Он снова их обозрел. Он вызвал их, и нелегко было вновь опустить на них покров, так долго их скрывавший. Здесь были лица друзей, врагов, людей, едва знакомых, назойливо выглядывавших из толпы; здесь были лица молодых, цветущих девушек, теперь уже старух; здесь были лица, искаженные смертью и сокрытые могилой. Но дух, властвующий над ней, по-прежнему облакал их свежестью и красотой, вызывая в памяти блеск глаз, сверкающую улыбку и сияние души, просвечивающей из праха, и то неясное, что нашептывает красота из загроб-

ного мира, изменившаяся лишь для того, чтобы вспыхнуть еще ярче, и отнятая у земли, чтобы стать светочем, который озаряет мягкими, нежными лучами тропу к небесам.

Но старый джентльмен не мог припомнить ни одного лица, чьи черты можно было найти в облике Оливера. С глубоким вздохом он распрощался с пробужденными им воспоминаниями и, будучи, к счастью для себя, рассеянным старым джентльменом, снова похоронил их между пожелтевших страниц книги.

Он очнулся, когда человек с ключами тронул его за плечо и предложил следовать за ним в камеру судьи. Он поспешно захлопнул книгу и предстал перед лицом величественного и знаменитого мистера Фэнга.

Камера судьи помещалась в первой комнате с обшитыми панелью стенами. Мистер Фэнг сидел в дальнем конце, за перилами, а у двери находилось нечто вроде деревянного загона, куда уже был помещен бедный маленький Оливер, весь дрожащий при виде этой устрашающей обстановки.

Мистер Фэнг был худощавым, с длинной талией и несгибающейся шеей, среднего роста человеком, с небольшим количеством волос, произрастающих на затылке и у висков. Лицо у него было хмурое и багровое. Если он на самом деле не имел обыкновения пить больше, чем было ему полезно, он мог бы возбудить в суде против своей физиономии дело о клевете и получить щедрое вознаграждение за понесенные убытки.

Старый джентльмен почтительно поклонился и, подойдя к столу судьи, сказал, согласуя слова с делом:

– Вот моя фамилия и адрес, сэр.

Затем он отступил шага на два и, отвесив еще один учтивый джентльменский поклон, стал ждать допроса.

Случилось так, что в этот самый момент мистер Фэнг внимательно читал передовую статью в утренней газете, упоминающую одно из недавних его решений и в триста пятидесятый раз предлагающую министру внутренних дел обратить на него особое и чрезвычайное внимание. Он был в дурном расположении духа и, нахмурившись, сердито поднял голову.

– Кто вы такой? – спросил мистер Фэнг.

Старый джентльмен с некоторым удивлением указал на свою визитную карточку.

– Полисмен, – сказал мистер Фэнг, презрительно отбрасывая карточку вместе с газетой, – кто этот субъект?

– Моя фамилия, сэр, – сказал старый джентльмен, как подобает говорить джентльмену, – моя фамилия, сэр, Браунлоу... Разрешите узнать фамилию судьи, который, пользуясь защитой своего звания, наносит незаслуженное и ничем не вызванное оскорбление почтенному лицу.

С этими словами мистер Браунлоу окинул взглядом комнату, словно отыскивая кого-нибудь, кто бы доставил ему требуемые сведения.

– Полисмен, – повторил мистер Фэнг, швыряя в сторону лист бумаги, – в чем обвиняется этот субъект?

– Он ни в чем не обвиняется, ваша честь, – ответил полисмен. – Он выступает обвинителем против мальчика, ваша честь.

Его честь прекрасно это знал; но это был превосходный способ досадить свидетелю, да к тому же вполне безопасный.

– Выступает обвинителем против мальчика, вот как? – сказал Фэнг, с ног до головы смеяв мистера Браунлоу презрительным взглядом. – Приведите его к присяге!

– Прежде чем меня приведут к присяге, я прошу разрешения сказать одно слово, – заявил мистер Браунлоу, – а именно: я бы никогда не поверил, не убедившись на собственном опыте...

– Придержите язык, сэр! – повелительно сказал мистер Фэнг.

– Не желаю, сэр! – ответил старый джентльмен.

– Сию же минуту придержите язык, а не то я прикажу выгнать вас отсюда! – воскликнул мистер Фэнг. – Вы наглец! Как вы смее грубить судье?

– Что такое? – покраснев, вскричал старый джентльмен.

– Приведите этого человека к присяге! – сказал Фэнг клерку. – Не желаю больше слышать ни единого слова. Приведите его к присяге.

Негодование мистера Браунлоу было безгранично, но сообразив, быть может, что он только повредит мальчику, если даст волю своим чувствам, мистер Браунлоу подавил их и покорно принес присягу.

– Ну, – сказал Фэнг, – в чем обвиняют этого мальчика? Что вы имеете сказать, сэр?

– Я стоял у книжного ларька... – начал мистер Браунлоу.

– Помолчите, сэр, – сказал мистер Фэнг. – Полисмен! Где полисмен?.. Вот он. Приведите к присяге этого полисмена... Ну, полисмен, в чем дело?

Полисмен с надлежащим смирением доложил о том, как он задержал обвиняемого, как обыскал Оливера и ничего не нашел, и о том, что он больше ничего об этом не знает.

– Есть еще свидетели? – осведомился мистер Фэнг.

– Больше никого нет, сэр, – ответил полисмен.

Мистер Фэнг несколько минут молчал, а затем, повернувшись к потерпевшему, сказал с неудержимой злобой:

– Намерены вы изложить, в чем заключается ваше обвинение против этого мальчика, или не намерены? Вы принесли присягу. Если вы отказываетесь дать показание, я вас покараю за неуважение к суду. Чтоб вас...

Конец фразы остается неизвестным, ибо как раз в надлежащий момент клерк и тюремщик очень громко кашлянули, и первый уронил на пол – разумеется, случайно – тяжелую книгу, благодаря чему слова невозможно было расслышать.

Мистер Браунлоу, которого много раз перебивали и поминутно оскорбляли, ухитрился изложить свое дело, заявив, что в первый момент, растерявшись, он бросился за мальчиком, когда увидел, что тот удирает от него; затем он выразил надежду, что судья, признав мальчика виновным не в воровстве, но в сообщничестве с ворами, окажет ему снисхождение, не нарушая закона.

– Он и без того уже пострадал, – сказал в заключение старый джентльмен. – И боюсь, – энергически добавил он, бросив взгляд на судью, – право же, боюсь, что он болен!

– О да, конечно! – насмешливо улыбаясь, сказал мистер Фэнг. – Эй ты, бродяжка, брось эти фокусы! Они тебе не помогут. Как тебя зовут?

Оливер попытался ответить, но язык ему не повиновался. Он был смертельно бледен, и ему казалось, что все в комнате кружится перед ним.

– Как тебя зовут, закоснелый ты негодяй? – спросил мистер Фэнг. – Полисмен, как его зовут?

Эти слова относились к грубоватому, добродушному на вид старику в полосатом жилете, стоявшему у перил. Он наклонился к Оливеру и повторил вопрос, но, убедившись, что тот действительно не в силах понять его, и зная, что молчание мальчика только усилит бешенство судьи и приведет к более суровому приговору, он рискнул ответить наобум.

– Он говорит, что его зовут Том Уайт, ваша честь, – сказал этот мягкосердечный охотник за ворами.

– О, так он не желает разговаривать? – сказал Фэнг. – Прекрасно, прекрасно. Где он живет?

– Где придется, ваша честь! – заявил полисмен, снова притворяясь, будто Оливер ему ответил.

– Родители живы? – осведомился мистер Фэнг.

– Он говорит, что они умерли, когда он был совсем маленький, ваша честь, – сказал полисмен наугад, как говорил обычно.

Когда допрос достиг этой стадии, Оливер поднял голову и, бросив умоляющий взгляд, слабым голосом попросил глоток воды.

– Вздор! – сказал мистер Фэнг. – Не вздумай меня дурачить.

– Мне кажется, он и в самом деле болен, ваша честь, – возразил полисмен.

– Мне лучше знать, – сказал мистер Фэнг.

– Помогите ему, полисмен, – сказал старый джентльмен, инстинктивно протягивая руки, – он вот-вот упадет.

– Отойдите, полисмен! – крикнул Фэнг. – Если ему угодно, пусть падает.

Оливер воспользовался милостивым разрешением и, потеряв сознание, упал на пол. Присутствующие переглянулись, но ни один не посмел шевельнуться.

– Я знал, что он притворяется, – сказал Фэнг, словно это было неопровержимым доказательством притворства. – Пусть он так и лежит. Ему это скоро надоест.

– Как вы намерены решить это дело, сэр? – спросил клерк.

– Очень просто! – ответил мистер Фэнг. – Он приговаривается к трехмесячному заключению и, разумеется, к тяжелым работам. Очистить зал!

Открыли дверь, и два человека приготовились унести бесчувственного мальчика в тюремную камеру, как вдруг пожилой человек в поношенном черном костюме, на вид пристойный, но бедный, ворвался в комнату и направился к столу судьи.

– Подождите! Не уносите его! Ради Бога, подождите минутку! – воскликнул вновь прибывший, запыхавшись от быстрой ходьбы.

Хотя духи, председательствующие в подобных местах, пользуются полной и неограниченной властью над свободой, добрым именем, репутацией, чуть ли не над жизнью подданных ее величества, в особенности принадлежащих к беднейшим классам, и хотя в этих стенах ежедневно разыгрываются такие фантастические сцены, что ангелы могли бы выплакать себе глаза, однако это скрыто от общества, разве только кое-что проникает в печать¹. Вследствие этого мистер Фэнг не на шутку вознегодовал при виде незваного гостя, столь неучтиво нарушившего порядок.

– Что это? Кто это такой? Выгнать этого человека! Очистить зал! – вскричал мистер Фэнг.

– Я *буду* говорить! – крикнул человек. – Я не позволю, чтобы меня выгнали! Я все видел. Я владелец книжного ларька. Я требую, чтобы меня привели к присяге! Меня вы не заставите молчать. Мистер Фэнг, вы должны меня выслушать! Вы не можете мне отказать, сэр.

Этот человек был прав. Вид у него был решительный, а дело принимало слишком серьезный оборот, чтобы можно было его замять.

– Приведите этого человека к присяге! – весьма недружелюбно проворчал мистер Фэнг. – Ну, что вы имеете сказать?

– Вот что: я видел, как три мальчика – арестованный и еще двое – слонялись по другой стороне улицы, когда этот джентльмен читал книгу. Кражу совершил другой мальчик. Я видел, как это произошло, и видел, что вот этот мальчик был совершенно ошеломлен и потрясен.

К тому времени достойный владелец книжного ларька немного отдышался и уже более связно рассказал, при каких обстоятельствах была совершена кража.

– Почему вы не явились сюда раньше? – помолчав, спросил Фэнг.

– Мне не на кого было оставить лавку, – ответил тот. – Все, кто мог бы мне помочь, приняли участие в погоне. Еще пять минут назад я никого не мог найти, а сюда я бежал всю дорогу.

– Истец читал, не так ли? – осведомился Фэнг, снова помолчав.

¹ По крайней мере так было в те времена.

– Да, – ответил человек. – Вот эту самую книгу, которая у него в руке.

– Эту самую, да? – сказал Фэнг. – За нее уплачено?

– Нет, не уплачено, – с улыбкой ответил книгопродавец.

– Ах, Боже мой, я об этом совсем забыл! – простодушно воскликнул рассеянный старый джентльмен.

– Что и говорить, достойная особа, а еще возводит обвинения на бедного мальчика! – сказал Фэнг, делая комические усилия казаться сердобольным. – Я полагаю, сэр, что вы завладели этой книгой при весьма подозрительных и порочащих вас обстоятельствах. И можете почитать себя счастливым, что владелец ее не намерен преследовать вас по суду. Пусть это послужит вам уроком, любезнейший, а не то правосудие еще займется вами... Мальчик оправдан. Очистить зал!

– Черт побери! – вскричал старый джентльмен, не в силах больше сдерживать свой гнев. – Черт побери! Я...

– Очистить зал! – сказал судья. – Полисмены, слышите? Очистить зал!

Приказание было исполнено. И негодующего мистера Браунлоу, который был вне себя от гнева и возмущения, вывели вон с книгой в одной руке и с бамбуковой тростью в другой. Он вышел во двор, и бешенство его мгновенно улеглось. На мощеном дворе лежал маленький Оливер Твист в расстегнутой рубашке и со смоченными водой висками; лицо его было смертельно бледно, дрожь пробежала по всему телу.

– Бедный мальчик, бедный мальчик! – сказал мистер Браунлоу, наклонившись к нему. – Карету! Пожалуйста, пусть кто-нибудь наймет карету. Поскорее!

Появилась карета, и когда Оливера бережно опустили на одно сиденье, старый джентльмен занял другое.

– Разрешите поехать с вами? – попросил владелец книжного ларька, заглядывая в карету.

– Ах, Боже мой, конечно, дорогой сэр! – быстро ответил мистер Браунлоу. – Я забыл о вас. Боже мой, Боже мой! У меня все еще эта злополучная книга! Влезайте скорее! Бедный мальчуган! Нельзя терять ни минуты.

Владелец книжного ларька сел в карету, и они уехали.

Глава XII, *в которой об Оливере заботятся лучше, чем когда бы то ни было, и в которой снова повествуется о веселом старом джентльмене и его молодых друзьях*

Карета с грохотом катила почти той же дорогой, какой шел Оливер, когда впервые вступил в Лондон, сопровождаемый Плутон, и, доехав до «Ангела» в Излингтоне, свернула в другую сторону и наконец остановилась у чистенького домика в тихой, окаймленной деревьями улице близ Пентонвила. Здесь Оливеру была немедленно приготовлена постель, и сам мистер Браунлоу проследил, чтобы в нее бережно уложили его юного питомца; здесь за ним ухаживали с бесконечной нежностью и заботливостью.

Но в течение многих дней Оливер оставался нечувствительным к доброте своих новых друзей. Солнце взошло и зашло, и снова взошло и зашло; и это повторялось много раз, а мальчик по-прежнему метался на кровати в иссушающем жару лихорадки. Червь совершает свою работу над трупом не с большей уверенностью, чем этот медленно ползущий огонь над живым телом.

Слабый, худой и бледный, он очнулся наконец, словно после долгого тревожного сна.

– Что это за комната? Куда меня привели? – спросил Оливер. – Мне здесь никогда не случалось спать.

Он был очень истощен и слаб, и эти слова произнес тихим голосом, но их тотчас же услышали. Полог у изголовья кровати быстро отдернули, и добродушная старая леди, опрятно и скромно одетая, поднялась с кресла у самой кровати, в котором она сидела, занимаясь шитьем.

– Тише, дорогой мой, – ласково сказала старая леди. – Ты должен лежать очень спокойно, иначе опять заболеешь. А тебе было очень плохо, так плохо, что хуже и быть не может. Ложись, будь умником!

С этими словами старая леди осторожно уложила голову Оливера на подушку и, откинув ему волосы со лба, с такой добротой и любовью посмотрела на него, что он невольно схватил исхудалой рукой ее руку и обвил ее вокруг своей шеи.

– Господи помилуй! – со слезами на глазах сказала старая леди. – Какое благодарное милое дитя! И какой он хорошенький! Что почувствовала бы его мать, если бы все это время она сидела, как я, у его кровати и могла поглядеть на него сейчас!

– Может быть, она меня видит, – прошептал Оливер, складывая руки. – Может быть, она сидела подле меня. Мне казалось, будто она сидела.

– Это у тебя от лихорадки, дорогой мой, – ласково сказала старая леди.

– Должно быть, – ответил Оливер, – потому что небо от нас очень далеко, а они там слишком счастливы, чтобы прийти к постели больного мальчика. Но если она знала, что я болен, она и там должна была пожалеть меня, ведь она сама перед смертью была очень больна. Впрочем, она ничего не может обо мне знать, – помолчав, добавил Оливер. – Если бы она видела, как меня обижали, ее бы это опечалило, но, когда она мне снилась, лицо у нее всегда было ласковое и счастливое.

Старая леди ничего на это не ответила; вытерев сначала глаза, а потом лежавшие на одежде очки, словно они являлись неотъемлемой частью глаз, она подала Оливеру какое-то прохладительное питье, а затем, погладив его по щеке, сказала, что он должен лежать очень спокойно, а не то опять заболеет.

И Оливер лежал очень спокойно, отчасти потому, что хотел во всем повиноваться доброй старой леди, а отчасти, сказать по правде, и потому, что очень ослабел после этого разго-

вора. Вскоре он задремал, а проснулся от света свечи, поставленной у его постели, и увидел джентльмена, который, держа в руке большие и громко тикающие золотые часы, пощупал ему пульс и сказал, что ему гораздо лучше.

– Тебе гораздо лучше, не правда ли, милый? – сказал джентльмен.

– Да, благодарю вас, – ответил Оливер.

– Я знаю, что лучше, – сказал джентльмен. – И тебе хочется есть, правда?

– Нет, сэр, – ответил Оливер.

– Гм! – сказал джентльмен. – Я знаю, что не хочется. Ему не хочется есть, миссис Бэдуин, – с глубокомысленным видом сказал джентльмен.

Старая леди почтительно наклонила голову, как бы давая понять, что считает доктора очень умным человеком. По-видимому, и сам доктор был того же мнения.

– Тебя клонит в сон, правда, мой милый? – сказал доктор.

– Нет, сэр, – ответил Оливер.

– Так! – сказал доктор с очень проницательным и довольным видом. – Тебя не клонит в сон. И пить не хочется, правда?

– Пить хочется, сэр, – ответил Оливер.

– Я так и предполагал, миссис Бэдуин, – сказал доктор. – Очень естественно, что ему хочется пить. Вы можете дать ему немного чаю, сударыня, и гренок без масла. Не укрывайте его слишком тепло, но, будьте добры, позаботьтесь, чтобы ему не было холодно.

Старая леди сделала реверанс. Доктор, отведав освежающее питье и выразив свое одобрение, поспешно удалился; башмаки его скрипели очень внушительно и чванливо, когда он спускался по лестнице.

Вскоре после этого Оливер снова задремал, а когда он проснулся, было около полуночи. Старая леди ласково пожелала ему спокойной ночи и оставила его на попечение толстой старухи, которая только что пришла, принеся с собой в узелке маленький молитвенник и большой ночной чепец. Надев чепец на голову и положив молитвенник на стол, старуха сообщила, что пришла ухаживать за ним ночью, а затем придвинула стул поближе к камину и погрузилась в сон, который то и дело прерывался, потому что она клевала носом, охала и сопела. Впрочем, никакой беды от этого не приключилось, только по временам она просыпалась и сильно терла нос, после чего снова засыпала.

Медленно тянулись ночные часы. Оливер долго не спал, считая светлые кружочки, которые отбрасывала на потолок тростниковая свеча, заслоненная экраном, или всматриваясь усталым взором в сложный рисунок на обоях. Сумрак и тишина в комнате были торжественны. Они навевали мальчику мысль о том, что в течение многих дней и ночей здесь витала смерть и, быть может, еще теперь в комнате сохранился след ее страшного присутствия; он уткнулся лицом в подушку и стал горячо молиться.

Наконец он заснул тем глубоким, спокойным сном, какой приходит только после недавних страданий, тем безмятежным, тихим сном, который мучительно нарушить. Если такова смерть, кто захотел бы воскреснуть для борьбы и треволнений жизни со всеми ее заботами о настоящем, тревогой о будущем и прежде всего тяжелыми воспоминаниями о прошлом!

Давно уже рассвело, когда Оливер открыл глаза; он почувствовал себя бодрым и счастливым. Кризис благополучно миновал. Оливер возвратился в этот мир.

Прошло три дня – и он уже мог сидеть в кресле, со всех сторон обложенный подушками; а так как он все еще был очень слаб и не мог ходить, миссис Бэдуин – экономка – на руках перенесла его вниз, в маленькую комнатку, которую она занимала. Усадив его здесь у камина, добрая старая леди тоже села и, в восторге от того, что он чувствует себя гораздо лучше, расплакалась не на шутку.

– Не обращай на меня внимания, дорогой мой, – сказала старая леди. – Я хочу хорошенько поплакать... Ну вот, все уже прошло, и у меня очень весело на душе.

– Вы очень, очень добры ко мне, сударыня, – сказал Оливер.

– Полно, не думай об этом, дорогой мой, – сказала старая леди. – Это никакого отношения не имеет к твоему бульону, а тебе давно уже пора его покушать, потому что доктор позволил мистеру Браунлоу навестить тебя сегодня утром, и у тебя должен быть наилучший вид: чем лучше будет у тебя вид, тем он будет довольнее.

И с этими словами старая леди принялась разогревать в кастрюльке большую порцию бульона, такого крепкого, что, по мнению Оливера, если разбавить этот бульон надлежащим образом, он мог бы послужить обедом, по самому скромному подсчету, на триста пятьдесят бедняков.

– Ты любишь картины, дорогой мой? – спросила старая леди, заметив, что Оливер пристально смотрит на портрет, висевший на стене, как раз против его кресла.

– Право, не знаю, сударыня, – ответил Оливер, не спуская глаз с холста. – Я видел так мало картин, что и сам хорошенько не знаю. Какое прекрасное, кроткое лицо у этой леди!

– Ах! – сказала старая леди. – Живописцы всегда рисуют леди красивее, чем они есть на самом деле, иначе у них не было бы заказчиков, дитя мое. Человек, который изобрел машину, снимающую портреты, мог бы догадаться, что она не будет пользоваться успехом. Она слишком правдива, слишком правдива, – сказала старая леди, от души смеясь своей собственной остроте.

– А это... это портрет, сударыня? – спросил Оливер.

– Да, – сказала старая леди, на минутку отвлекаясь от бульона, – это портрет.

– Чей, сударыня? – спросил Оливер.

– Право, не знаю, дорогой мой, – добродушно ответила старая леди. – Думаю, что этой особы на портрете мы с тобой не знаем. Он как будто тебе понравился?

– Он такой красивый, – сказал Оливер.

– Да уж не боишься ли ты его? – спросила старая леди, заметив, к большому своему изумлению, что мальчик с каким-то благоговейным страхом смотрит на картину.

– О нет! – быстро ответил Оливер. – Но глаза такие печальные, и с того места, где я сижу, кажется, будто они смотрят на меня. У меня начинает сильно биться сердце, – шепотом добавил Оливер, – словно этот портрет живой и хочет заговорить со мной, но не может.

– Господи помилуй! – вздрогнув, воскликнула старая леди. – Не надо так говорить, дитя мое. Ты еще слаб, и нервы у тебя не в порядке после болезни. Дай-ка я передвину твое кресло к другой стене, и тогда тебе не будет его видно. Вот так! – сказала старая леди, приводя свое намеренье в исполнение. – Уж теперь-то ты его не видишь.

Оливер *видел* его духовным взором так же ясно, как будто не менял места; но он решил не огорчать добрую старую леди; поэтому он кротко улыбнулся, когда она взглянула на него. Миссис Бэдуин, радуясь тому, что он успокоился, посолила бульон и положила туда сухариков; исполняя эту торжественную процедуру, она чрезвычайно суетилась. Оливер очень быстро покончил с бульоном. Едва успел он проглотить последнюю ложку, как в дверь тихонько постучали.

– Войдите, – сказала старая леди.

И появился мистер Браунлоу.

Старый джентльмен очень бодро вошел в комнату, но как только он поднял очки на лоб и заложил руки за спину под полы халата, чтобы хорошенько всмотреться в Оливера, лицо его начало как-то странно подергиваться. Оливер казался очень истощенным и прозрачным после болезни. Из уважения к своему благодетелю он сделал неудачную попытку встать, закончившуюся тем, что он снова упал в кресло. А уж если говорить правду, сердце мистера Браунлоу, такое большое, что его хватило бы на полдюжины старых джентльменов, склонных к человеколюбию, заставило его глаза наполниться слезами благодаря какому-то гидравлическому процессу, который мы отказываемся объяснить, не будучи в достаточной мере философами.

– Бедный мальчик, бедный мальчик! – откашливаясь, сказал мистер Браунлоу. – Я немножко охрип сегодня, миссис Бэдуин. Боюсь, что простудился.

– Надеюсь, что нет, сэр, – сказала миссис Бэдуин. – Все ваши вещи были хорошо просушены, сэр.

– Не знаю, Бэдуин, не знаю, – сказал мистер Браунлоу. – Кажется, вчера за обедом мне подали сырую салфетку, но это не важно... Как ты себя чувствуешь, мой милый?

– Очень хорошо, сэр, – ответил Оливер. – Я очень благодарен, сэр, за вашу доброту ко мне.

– Славный мальчик... – решительно сказал мистер Браунлоу. – Вы ему дали поесть, Бэдуин? Какого-нибудь жиденького супу?

– Сэр, он только что получил тарелку прекрасного, крепкого бульону, – ответила миссис Бэдуин, выпрямившись и делая энергичное ударение на последнем слове, как бы давая этим понять, что жиденький суп и умело приготовленный бульон не состоят ни в родстве, ни в свойстве.

– Уф! – вымолвил мистер Браунлоу, передернув плечами. – Рюмки две хорошего портвейна принесли бы ему гораздо больше пользы. Не правда ли, Том Уайт?

– Меня зовут Оливер, сэр, – с удивлением сказал маленький больной.

– Оливер, – повторил мистер Браунлоу. – Оливер, а дальше как? Оливер Уайт, да?

– Нет, сэр, Твист; Оливер Твист.

– Странная фамилия! – сказал старый джентльмен. – Почему же ты сказал судье, что тебя зовут Уайт?

– Я ему этого не говорил, сэр, – с недоумением возразил Оливер.

Это так походило на ложь, что старый джентльмен довольно строго посмотрел на Оливера. Немыслимо было не поверить ему: тонкое, исхудавшее лицо его дышало правдой.

– Какое-то недоразумение! – сказал мистер Браунлоу.

У него больше не было оснований пристально смотреть на Оливера, тем не менее мысль о сходстве его с каким-то знакомым лицом снова овладела старым джентльменом с такой силой, что он не мог отвести глаз.

– Надеюсь, вы не сердитесь на меня, сэр? – спросил Оливер, устремив на него умоляющий взгляд.

– Нисколько! – сказал старый джентльмен. – Что же это значит?... Бэдуин, смотрите!

С этими словами он быстро указал на портрет над головой мальчика, а потом на лицо Оливера. Это была живая копия. Те же черты, глаза, лоб, рот. И выражение лица то же, словно мельчайшая черточка была воспроизведена с поразительной точностью!

Оливер не узнал причины такого неожиданного восклицания, потому что у него еще не было сил перенести вызванное этим потрясение, и он потерял сознание.

Обнаруженная им слабость дает нам возможность удовлетворить интерес читателя к двум юным ученикам веселого старого джентльмена и поведать о том, что, когда Плут и его достойный друг юный Бейтс приняли участие в погоне за Оливером, начавшейся вследствие того, что они, как было описано выше, незаконным образом присвоили личную собственность мистера Браунлоу, ими руководила весьма похвальная забота о самих себе. А так как истый англичанин прежде всего и с наибольшей гордостью хвастается гражданскими вольностями и свободой личности, то вряд ли нужно обращать внимание читателя на то, что поведение Плута и юного Бейтса должно поднять их в глазах всех общественных деятелей и патриотов в такой же мере, в какой это неопровержимое доказательство их беспокойства о собственной безопасности и благополучии утверждает и подкрепляет небольшой свод законов, который иные глубокомысленные философы положили в основу всех деяний и поступков Природы! Упомянутые философы очень мудро свели действия этой доброй леди к правилам и теориям и, делая весьма любезный и приятный комплимент ее высокой мудрости и разуму, совершенно устра-

нили все, что имеет отношение к сердцу, великодушным побуждениям и чувствам. Ибо эти качества вовсе не достойны особы, которая со всеобщего согласия признана стоящей выше многочисленных маленьких слабостей и недостатков, присущих ее полу.

Если бы мне нужно было еще какое-нибудь доказательство в пользу философического характера поведения этих молодых джентльменов, я бы тотчас обрел его в том факте (уже отмеченном в предшествующей части этого повествования), что они отказались от погони, когда всеобщее внимание сосредоточилось на Оливере, и немедленно отправились домой кратчайшим путем. Хотя я не намерен утверждать, что прославленные, всеведущие мудрецы имеют обыкновение сокращать пути, ведущие к великим умозаключениям (в сущности, они скорее расположены увеличивать расстояние с помощью различных многоречивых уклонений и колебаний, подобных тем, которым склонны предаваться пьяные под натиском слишком мощного потока мыслей), но я намерен сказать и говорю с уверенностью, что многие великие философы, развивая теории, проявляют большую мудрость и предусмотрительность, принимая меры против всех случайностей, какие могут быть им хоть сколько-нибудь опасны. Таким образом, для того чтобы принести великое добро, вы имеете право сотворить маленькое зло и можете пользоваться любыми средствами, которые будут оправданы намеченной вами целью. Определить степень добра и степень зла и даже разницу между ними всецело предоставляется усмотрению заинтересованного в этом философа, дабы он их установил путем ясного, разумного и беспристрастного исследования каждого частного случая.

Оба мальчика быстро пробежали запутаннейшим лабиринтом узких улиц и дворов и тогда только рискнули остановиться в низком и темном подъезде. Постояв здесь молча ровно столько времени, сколько нужно было, чтобы отдышаться и обрести дар речи, юный Бейтс весело взвизгнул и, залившись неудержимым смехом, бросился на крылечко и начал по нему кататься вне себя от восторга.

– В чем дело? – осведомился Плут.

– Ха-ха-ха! – заливался Чарли Бейтс.

– Заткни глотку, – приказал Плут, осторожно озираясь. – Хочешь, чтобы тебя сцапали, дурак?

– Я не могу удержаться, – сказал Чарли, – не могу удержаться! Как он улепетывал, сворачивая за угол, налетал на тумбы и опять пускался бежать, словно и сам он железный, как тумба, а утиралка у меня в кармане, а я ору ему вслед. Ах, Боже мой!

Живое воображение юного Бейтса воспроизвело всю сцену в слишком ярких красках. При этом восклицании он снова стал кататься по крылечку и захохотал еще громче.

– Что скажет Феджин? – спросил Плут, воспользовавшись минутой, когда его приятель снова задохнулся от смеха.

– Что? – переспросил Чарли Бейтс.

– Вот именно – что? – повторил Плут.

– А что же он может сказать? – спросил Чарли, внезапно перестав веселиться, потому что вид у Плути был серьезный. – Что он может сказать?

Мистер Даукинс минуты две свистел, затем, сняв шляпу, почесал голову и трижды кивнул.

– Что ты хочешь сказать? – спросил Чарли.

– Тра-ля-ля! Вздор и чепуха, черт подери! – сказал Плут. И на умной его физиономии появилась усмешка.

Это было пояснение, но неудовлетворительное. Юный Бейтс нашел его таковым и повторил:

– Что ты хочешь сказать?

Плут ничего не ответил; надев шляпу и подобрав полы своего длинного сюртука, он подпер щеку языком, раз шесть по привычке, но выразительно, щелкнул себя по переносице и,

повернувшись на каблуках, шмыгнул во двор. Юный Бейтс с задумчивой физиономией последовал за ним.

Несколько минут спустя после этого разговора шаги на скрипучей лестнице привлекли внимание веселого старого джентльмена, который сидел у очага, держа в левой руке дешевую колбасу и хлеб, а в правой – складной нож; на тагане стояла оловянная кастрюля. Отвратительная улыбка появилась на его бледном лице, когда он оглянулся и, зорко посматривая из-под густых рыжих бровей, повернулся к двери и стал прислушиваться.

– Что же это? – пробормотал еврей, изменившись в лице. – Только двое? Где третий? Не могли же они попасть в беду.

Шаги приближались; они уже слышались с площадки лестницы. Дверь медленно открылась, и Плут с Чарли Бейтсом, войдя, закрыли ее за собой.

Глава XIII

Понятливый читатель знакомится с новыми лицами; в связи с этим повествуется о разных занимательных предметах, имеющих отношение к этой истории

– Где Оливер? – с грозным видом спросил еврей и вскочил. – Где мальчик?

Юные воришки смотрели на своего наставника, встревоженные его порывистым движением, и с беспокойством переглянулись. Но они ничего не ответили.

– Что случилось с мальчиком? – крикнул еврей, крепко схватив Плута за шиворот и осыпая его отвратительными ругательствами. – Отвечай, или я тебя задушю!

Мистер Феджин отнюдь не шутил, и Чарли Бейтс, который почитал разумным заботиться о собственной безопасности и не видел ничего невероятного в том, что затем наступит и его черед погибнуть от удушения, упал на колени и испустил громкий, протяжный, несмолкающий рев – нечто среднее между ревом бешеного быка и ревом рупора.

– Будешь ты говорить? – рявкнул еврей, встряхивая Плута с такой силой, что казалось поистине чудесным, как тот не выскочит из своего широкого сюртука.

– Ищейки его сцапали, и конец делу! – сердито сказал Плут. – Пустите меня, слышите!

Рванувшись и выскользнув из широкого сюртука, который остался в руках еврея, Плут схватил вилку для поджаривания гренок и замахнулся, целясь в жилет веселого старого джентльмена; если бы это увенчалось успехом, старик лишился бы некоторой доли веселости, которую нелегко было бы возместить.

В этот критический момент еврей отскочил с таким проворством, какого трудно было ожидать от человека, по-видимому, столь немощного и дряхлого, и, схватив кувшин, замахнулся, чтобы швырнуть его в голову противнику. Но так как в эту минуту Чарли Бейтс привлек его внимание поистине устрашающим воем, он внезапно передумал и запустил кувшином в этого молодого джентльмена.

– Что за чертовщина! – проворчал чей-то бас. – Кто это швырнул? Хорошо, что в меня попало пиво, а не кувшин, не то я бы кое с кем расправился!.. Ну конечно! Кто же, кроме этого чертова богача, грабителя, старого еврея, станет зря расплескивать напитки! Разве что воду, – да и воду только в том случае, если каждые три месяца обманывает водопроводную компанию... В чем дело, Феджин? Черт меня подери, если мой шарф не вымок в пиве!.. Ступай сюда, подлая тварь, чего торчишь там, за дверью, будто стыдишься своего хозяина! Сюда!

Субъект, произнесший эту речь, был крепкого сложения детиной лет тридцати пяти, в черном вельветовом сюртуке, весьма грязных коротких темных штанах, башмаках на шнуровке и серых бумажных чулках, которые обтягивали толстые ноги с выпуклыми икрами, – такие ноги при таком костюме всегда производят впечатление чего-то незаконченного, если их не украшают кандалы. На голове у него была коричневая шляпа, а на шее пестрый шарф, длинными обтрепанными концами которого он вытирал лицо, залитое пивом. Когда он покончил с этим делом, обнаружилось, что лицо у него широкое, грубое, несколько дней не знавшее бритвы; глаза были мрачные; один из них обрамляли разноцветные пятна, свидетельствующие о недавно полученном ударе.

– Сюда, слышишь? – проворчал этот симпатичный субъект.

Белая лохматая собака с исцарапанной мордой прошмыгнула в комнату.

– Почему не входила раньше? – сказал субъект. – Слишком возгордилась, чтобы показываться со мной на людях? Ложись!

Приказание сопровождалось пинком, отбросившим животное в другой конец комнаты. Однако пес, по-видимому, привык к этому, очень спокойно он улегся в углу, не издавая ни звука, раз двадцать в минуту мигая своими недобрыми глазами, и, казалось, принялся обзирать комнату.

– Чем это вы тут занимаетесь: мучите мальчиков, жадный, скупой, ненасытный старик, укрыватель краденого? – спросил детина, преспокойно усаживаясь. – Удивляюсь, как это они вас еще не прикончили! Я бы на их месте это сделал! Я бы давным-давно это сделал, будь я вашим учеником и... нет, продать вас мне бы не удалось, куда вы годны?! Разве что сохранить вас, как редкую уродину, в стеклянной банке, да таких больших стеклянных банок, кажется, не делают.

– Тише! – дрожа, проговорил еврей. – Мистер Сайкс, не говорите так громко.

– Бросьте этих мистеров! – отозвался детина. – У вас всегда что-то недоброе на уме, когда вы начинаете этак выражаться. Вы мое имя знаете, – стало быть, так меня и называйте! Я его не опозорю, когда час пробьет!

– Вот именно, совершенно верно, Билл Сайкс, – с гнусным подбострастием сказал еврей. – Вы как будто в дурном расположении духа, Билл?

– Может быть, и так, – ответил Сайкс. – Я бы сказал, что и вы не в своей тарелке, или вы считаете, что никому не приносите убытка, когда швыряетесь кувшинами или выдаете...

– Вы с ума сошли? – вскричал еврей, хватая его за рукав и указывая на мальчиков.

Мистер Сайкс удовольствовался тем, что затянул воображаемый узел под левым своим ухом и склонил голову к правому плечу, – по-видимому, еврей прекрасно понял эту пантомиму. Затем на жаргоне, которым были в изобилии приправлены все его речи, – если бы привести его здесь, он был бы решительно непонятен, – мистер Сайкс потребовал себе стаканчик.

– Только не подумайте всыпать туда яду, – сказал он, положив шляпу на стол.

Это было сказано в шутку, но если бы он видел, как еврей злобно прищурился и повернулся к буфету, закусив бледные губы, быть может, ему пришло бы в голову, что предосторожность не является излишней и веселому старому джентльмену, во всяком случае, не чуждо желание улучшить изделие винокура!

Пропустив два-три стаканчика, мистер Сайкс снизошел до того, что обратил внимание на молодых джентльменов; такая любезность с его стороны привела к беседе, в которой причины и подробности ареста Оливера были детально изложены с теми изменениями и уклонениями от истины, какие Плут считал наиболее уместными при данных обстоятельствах.

– Боюсь, – произнес еврей, – как бы он не сказал чего-нибудь, что доведет нас до беды...

– Все может быть, – со злобной усмешкой отозвался Сайкс. – Вас предадут, Феджин.

– И знаете ли, я боюсь, – продолжал еврей, как будто не обращая внимания на то, что его прервали, и при этом пристально глядя на своего собеседника, – боюсь, что если наша игра проиграна, то это может случиться и кое с кем другим, а для вас это обернется, пожалуй, хуже, чем для меня, мой милый.

Детина вздрогнул и круто повернулся к еврею. Но старый джентльмен поднял плечи до самых ушей, а глаза его рассеянно уставились на противоположную стену.

Наступило длительное молчание. Казалось, каждый член почтенного общества погрузился в свои собственные размышления, не исключая и собаки, которая злорадно облизывалась, как будто подумывая о том, чтобы атаковать ноги первого джентльмена или леди, которых случится ей встретить, когда она выйдет на улицу.

– Кто-нибудь должен разузнать, что там произошло, в камере судьи, – сказал мистер Сайкс, заметно умерив тон.

Еврей в знак согласия кивнул головой.

– Если он не донес и посажен в тюрьму, бояться нечего, пока его не выпустят, – сказал мистер Сайкс, – а потом уже нужно о нем позаботиться. Вы должны как-нибудь заполучить его в свои руки.

Еврей снова кивнул головой.

Такой план действия был разумен, но, к несчастью, ему препятствовало одно весьма серьезное обстоятельство. Дело в том, что Плут, Чарли Бейтс, Феджин и мистер Уильям Сайкс питали глубокую и закоренелую антипатию к прогулкам около полицейского участка на любом основании и под любым предлогом.

Как долго могли бы они сидеть и смотреть друг на друга, пребывая в неприятном состоянии нерешительности, угадать трудно. Впрочем, нет необходимости делать какие бы то ни было догадки, так как внезапное появление двух молодых леди, которых уже видел раньше Оливер, оживило беседу.

– Как раз то, что нам нужно! – сказал еврей. – Бет пойдет. Ты пойдешь, моя милая?

– Куда? – осведомилась молодая леди.

– Всего-навсего в полицейский участок, моя милая, – вкрадчиво сказал еврей.

Нужно воздать должное молодой леди: она не объявила напрямик, что не хочет идти, но выразила энергическое и горячее желание «быть проклятой, если она туда пойдет». Эта вежливая и деликатная уклончивость свидетельствовала о том, что молодая леди отличалась прирожденной учтивостью, которая препятствовала ей огорчить ближнего прямым и резким отказом.

Физиономия у еврея вытянулась. Он отвернулся от этой молодой леди, которая была в ярком, если не великолепном наряде – красное платье, зеленые ботинки, желтые папильотки, – и обратился к другой.

– Нэнси, милая моя, – улещивал ее еврей, – что ты скажешь?

– Скажу, что это не годится, стало быть, нечего настаивать, Феджин, – ответила Нэнси.

– Что ты хочешь этим сказать? – вмешался мистер Сайкс, бросая на нее мрачный взгляд.

– То, что сказала, Билл, – невозмутимо отозвалась леди.

– Да ведь ты больше всех подходишь для этого, – произнес мистер Сайкс. – Здесь о тебе никто ничего не знает.

– А так как я и не хочу, чтобы знали, – с тем же спокойствием отвечала Нэнси, – то скорее скажу «нет», чем «да», Билл.

– Она пойдет, Феджин, – сказал Сайкс.

– Нет, она не пойдет, Феджин, – сказала Нэнси.

– Она пойдет, Феджин, – сказал Сайкс.

И мистер Сайкс не ошибся. С помощью угроз, посулов и подачек упомянутую леди в конце концов заставили взять на себя это поручение. В самом деле, ей не могли воспрепятствовать соображения, какие удерживали ее любезную подругу: не так давно переселившись из отдаленных, но аристократических окрестностей Рэтклифской большой дороги в Филд-Лейн, она могла не опасаться, что ее узнает кто-нибудь из многочисленных знакомых.

И вот, повязав поверх платья чистый белый передник и спрятав папильотки под соломенную шляпку – эти принадлежности туалета были извлечены из неисчерпаемых запасов еврея, – мисс Нэнси приготовилась выполнить поручение.

– Подожди минутку, моя милая, – сказал еврей, протягивая ей корзинку с крышкой. – Держи ее в руках. Она тебе придаст более пристойный вид.

– Феджин, дайте ей ключ от двери, пусть она держит его в руке, – сказал Сайкс. – Это покажется естественным и приличным.

– Совершенно верно, мой милый, – сказал еврей, вешая молодой леди большой ключ от двери на указательный палец правой руки. – Вот так! Прекрасно! Прекрасно, моя милая! – сказал еврей, потирая руки.

– Ох, братец! Мой бедный, милый, ни в чем не повинный братец! – воскликнула Нэнси, заливаясь слезами и в отчаянии теребя корзиночку и дверной ключ. – Что с ним случилось? Куда они его увели? Ох, сжальтесь надо мной, скажите мне, джентльмены, что сделали с бедным мальчиком? Умоляю вас, скажите, джентльмены!

Произнеся эти слова, к бесконечному восхищению слушателей, очень жалобным, душе-раздирающим голосом, мисс Нэнси умолкла, подмигнула всей компании, улыбнулась, кивнула головой и скрылась.

– Ах, мои милые, какая смышленная девушка! – воскликнул еврей, поворачиваясь к своим молодым друзьям и торжественно покачивая головой, как бы призывая их следовать блестящему примеру, который они только что лицезрели.

– Она делает честь своему полу, – промолвил мистер Сайкс, налив себе стакан и ударив по стулу огромным кулаком. – Пью за ее здоровье и желаю, чтобы все женщины походили на нее!

Пока все эти похвалы расточались по адресу достойной Нэнси, эта молодая леди спешила в полицейское управление, куда вскоре и прибыла благополучно, несмотря на вполне понятную робость, вызванную необходимостью идти по улицам одной, без провожатых.

Войдя с черного хода, она тихонько постучала ключом в дверь одной из камер и прислушалась. Оттуда не доносилось ни звука; тогда она кашлянула и снова прислушалась. Ответа не было, и она заговорила.

– Ноли, миленький! – ласково прошептала Нэнси. – Ноли!

В камере не было никого, кроме жалкого, босого преступника, арестованного за игру на флейте; так как его преступление против общества было вполне доказано, мистер Фэнг приговорил его к месяцу заключения в исправительном доме, заметив весьма кстати и юмористически, что раз у него такой избыток дыхания, полезнее будет потратить его на ступальное колесо, чем на музыкальный инструмент. Преступник ничего не отвечал, ибо мысленно оплакивал флейту, конфискованную в пользу графства. Тогда Нэнси подошла к следующей камере и постучалась.

– Что нужно? – отозвался тихий, слабый голос.

– Нет ли здесь маленького мальчика? – спросила Нэнси, предварительно всхлипнув.

– Нет! – ответил заключенный. – Боже упаси!

Это был шестидесятипятилетний бродяга, приговоренный к тюремному заключению за то, что *не* играл на флейте, – иными словами, просил милостыню на улице и ничего не делал для того, чтобы заработать себе на жизнь. В смежной камере сидел человек, который отправлялся в ту же самую тюрьму, так как торговал вразнос оловянными кастрюлями, не имея разрешения, – иными словами, уклонялся от уплаты налогов и делал что-то для того, чтобы заработать себе на жизнь.

Но так как никто из этих преступников не отзывался на имя Оливера и ничего о нем не знал, Нэнси обратилась непосредственно к добродушному старику в полосатом жилете и со стонами и причитаниями, – они казались особенно жалобными, ибо она искусно теребила корзинку и ключ, – потребовала у него своего *милого братца*.

– У меня его нет, моя милая, – сказал старик.

– Где же он? – взвизгнула Нэнси.

– Его забрал с собой джентльмен, – ответил тот.

– Какой джентльмен? Боже милостивый! Какой джентльмен? – вскричала Нэнси.

В ответ на этот невразумительный вопрос старик сообщил взволнованной «сестре», что Оливеру стало дурно в камере судьи, что его оправдали, так как один свидетель показал, будто кража совершена не им, а другими мальчиками, оставшимися на свободе, и что истец увез Оливера, лишившегося чувств, к себе, в свой собственный дом. Об этом доме ее собеседник знал только, что он находится где-то в Пентонвиле, – это слово он расслышал, когда давались указания кучеру.

В ужасном смятении и растерянности несчастная молодая женщина, шатаясь, поплелась к воротам, а затем, сменив нерешительную поступь на быстрый бег, вернулась к дому еврея самыми запутанными и извилистыми путями, какие только могла придумать.

Мистер Билл Сайкс, едва успев выслушать отчет о ее походе, поспешно кликнул белую собаку и, надев шляпу, стремительно удалился, не трата времени на такую формальность, как пожелание остальной компании счастливо оставаться.

– Милые мои, мы должны узнать, где он... Его нужно найти! – в страшном волнении сказал еврей. – Чарли, ты пока ничего не делай, только шныряй повсюду, пока не добудешь о нем каких-нибудь сведений. Нэнси, моя милая, мне во что бы то ни стало нужно его отыскать. Я тебе доверяю во всем, моя милая, – тебе и Плуту! Пойдите, пойдите, – добавил еврей, дрожащей рукой отпирая ящик стола, – вот вам деньги, милые мои. Я на сегодня закрываю лавочку. Вы знаете, где меня найти! Не задерживайтесь здесь ни на минуту. Ни на секунду, мои милые!

С этими словами он вытолкнул их из комнаты и, старательно повернув два раза ключ в замке и заложив дверь засовом, достал из потайного местечка шкатулку, которую случайно увидел Оливер. Затем он торопливо начал прятать часы и драгоценные вещи у себя под одеждой.

Стук в дверь заставил его вздрогнуть и оторваться от этого занятия.

– Кто там? – крикнул он пронзительно.

– Я! – раздался сквозь замочную скважину голос Плута.

– Ну что еще? – нетерпеливо крикнул еврей.

– Нэнси спрашивает, куда его тащить – в другую берлогу? – осведомился Плут.

– Да! – ответил еврей. – Где бы она его ни сцапала! Отыщите его, отыщите, вот и всё! Я уж буду знать, что дальше делать. Не бойтесь!

Мальчик буркнул, что он понимает, и бросился догонять товарищей.

– Пока что он не выдал, – сказал еврей, принимаясь за прежнюю работу. – Если он вздумает болтать о нас своим новым друзьям, мы еще успеем заткнуть ему глотку.

Глава XIV,
закрывающая дальнейшие подробности о
пребывании Оливера у мистера Браунлоу, а
также замечательное пророчество, которое
некий мистер Гримуиз изрек касательно Оливера,
когда тот отправился исполнять поручение

Оливер быстро пришел в себя после обморока, вызванного внезапным восклицанием мистера Браунлоу, а старый джентльмен и миссис Бэдуин в дальнейшем старательно избегали упоминать о портрете: разговор не имел ни малейшего отношения ни к прошлой жизни Оливера, ни к его видам на будущее и касался лишь тех предметов, которые могли позабавить его, но не взволновать. Оливер был все еще слишком слаб, чтобы вставать к завтраку, но на следующий день, спустившись в комнату экономки, он первым делом бросил нетерпеливый взгляд на стену в надежде снова увидеть лицо прекрасной леди. Однако его ожидания были обмануты – портрет убрали.

– А, вот что! – сказала экономка, проследив за взглядом Оливера. – Как видишь, его унесли.

– Вижу, что унесли, сударыня, – ответил Оливер. – Зачем его убрали?

– Его сняли, дитя мое, потому что, по мнению мистера Браунлоу, он как будто тебя беспокоил. А вдруг он, знаешь ли, помешал бы выздоровлению, – сказала старая леди.

– О, право же, нет! Он меня не беспокоил, сударыня, – сказал Оливер. – Мне приятно было смотреть на него. Я очень его любил.

– Ну-ну! – благодушно сказала старая леди. – Постарайся, дорогой мой, как можно скорее поправиться, и тогда портрет будет повешен на прежнее место. Это я тебе обещаю! А теперь поговорим о чем-нибудь другом.

Вот все сведения, какие мог получить в то время Оливер о портрете. В ту пору он старался об этом не думать, потому что старая леди была очень добра к нему во время его болезни; и он внимательно выслушивал бесконечные истории, какие она ему рассказывала о своей милой и прекрасной дочери, вышедшей замуж за милого и прекрасного человека и жившей в деревне, и о сыне, который служил клерком у купца в Вест-Индии и был также безупречным молодым человеком и четыре раза в год посылал домой такие почтительные письма, что у нее слезы навертывались на глаза при упоминании о них. Старая леди долго распространялась о превосходных качествах своих детей, а также и о достоинствах своего доброго, славного мужа, который – бедная, добрая душа! – умер ровно двадцать шесть лет назад... А затем наступало время пить чай. После чаю она принималась обучать Оливера кривбеджу, который он усваивал с такой же легкостью, с какой она его преподавала; и в эту игру они играли с большим интересом и торжественностью, пока не наступал час, когда больному надлежало дать теплого вина с водой и уложить его в мягкую постель.

Это были счастливые дни – дни выздоровления Оливера. Все было так мирно, чисто и аккуратно, все было так добры и ласковы, что после шума и суеты, среди которых протекала до сих пор его жизнь, ему казалось, будто он в раю. Как только он окреп настолько, что мог уже одеться, мистер Браунлоу приказал купить ему новый костюм, новую шляпу и новые башмаки. Когда Оливеру объявили, что он может распорядиться по своему усмотрению старым своим платьем, он отдал его служанке, которая была очень добра к нему, и попросил ее продать это старье какому-нибудь еврейцу, а деньги оставить себе. Эту просьбу она с готовно-

стью исполнила. И когда Оливер, стоя у окна гостиной, увидел, как еврей спрятал платье в свой мешок и удалился, он пришел в восторг при мысли, что эти вещи унесли и теперь ему уже не грозит опасность снова их надеть. По правде сказать, это были жалкие лохмотья, а у Оливера никогда еще не бывало нового костюма.

Однажды вечером, примерно через неделю после истории с портретом, когда Оливер разговаривал с миссис Бэдуин, мистер Браунлоу прислал сказать, что хотел бы видеть Оливера Твиста у себя в кабинете и потолковать с ним немного, если он хорошо себя чувствует.

– Господи, спаси и помилуй нас! Вымой руки, дитя мое, и дай-ка я хорошенько приглажу тебе волосы! – воскликнула миссис Бэдуин. – Боже мой! Знай мы, что он пожелает тебя видеть, мы бы надели тебе чистый воротничок, и ты засиял бы у нас, как новенький шестипенсовик!

Оливер повиновался старой леди, и хотя она горько сетовала на то, что теперь уже некогда прогладить гофрированную оборочку у воротничка его рубашки, он казался очень хрупким и миловидным, несмотря на отсутствие столь важного украшения, и она, с величайшим удовольствием осмотрев его с головы до ног, пришла к выводу, что даже если бы их и предупредили заблаговременно, вряд ли можно было сделать его еще красивее.

Ободренный этими словами, Оливер постучал в дверь кабинета.

Когда мистер Браунлоу предложил ему войти, он очутился в маленькой комнатке, заполненной книгами, с окном, выходившим в красивый садик. К окну был придвинут стол, за которым сидел и читал мистер Браунлоу. При виде Оливера он отложил в сторону книгу и предложил ему подойти к столу и сесть. Оливер повиновался, недоумевая, где можно найти людей, которые бы читали такое множество книг, казалось, написанных для того, чтобы сделать человечество более разумным. До сей поры это является загадкой и для людей более искушенных, чем Оливер Твист.

– Много книг, не правда ли, мой мальчик? – спросил мистер Браунлоу, заметив, с каким любопытством Оливер посматривал на книжные полки, поднимавшиеся от пола до потолка.

– Очень много, сэр, – ответил Оливер. – Столько я никогда не видал.

– Ты их прочтешь, если будешь вести себя хорошо, – ласково сказал старый джентльмен, – и тебе это понравится больше, чем рассматривать переплеты. А впрочем, не всегда: бывают такие книги, у которых самое лучшее – корешок и обложка.

– Должно быть, это вон те тяжелые книги, сэр, – заметил Оливер, указывая на большие тома в раззолоченных переплетах.

– Не обязательно, – ответил старый джентльмен, глядя его по голове и улыбаясь. – Бывают книги такие же тяжелые, но гораздо меньше этих. А тебе бы не хотелось вырасти умным и писать книги?

– Я думаю, мне больше бы хотелось читать их, сэр, – ответил Оливер.

– Как! Ты не хотел бы писать книги? – спросил старый джентльмен.

Оливер немножко подумал, а потом сообщил, что, пожалуй, гораздо лучше продавать книги; в ответ на это старый джентльмен от души рассмеялся и объявил, что он неплохо сказал. Оливер обрадовался, хотя понятия не имел о том, что тут хорошего.

– Прекрасно! – сказал старый джентльмен, перестав смеяться. – Не бойся! Мы из тебя не сделаем писателя, раз есть возможность научиться какому-нибудь честному ремеслу или стать каменщиком.

– Благодарю вас, сэр, – сказал Оливер.

Услыхав его серьезный ответ, старый джентльмен снова расхохотался и сказал что-то о странностях инстинкта, но Оливер не понял и не обратил на это внимания.

– А теперь, мой мальчик, – продолжал мистер Браунлоу, говоря – если это было возможно – еще более ласково, но в то же время лицо его было такое серьезное, какого Оливер никогда еще у него не видывал, – я хочу, чтобы ты с величайшим вниманием выслушал то, что я наме-

рен сказать. Я буду говорить с тобой совершенно откровенно, потому что я уверен: ты можешь понять меня не хуже, чем многие другие старше тебя.

– О, прошу вас, сэр, не говорить мне, что вы хотите меня прогнать! – воскликнул Оливер, испуганный серьезным тоном старого джентльмена. – Не выбрасывайте меня за дверь, чтобы я снова бродил по улицам! Позвольте мне остаться здесь и быть вашим слугой. Не отправляйте меня назад, в то ужасное место, откуда я пришел! Пожалейте бедного мальчика, сэр!

– Милое мое дитя, – сказал старый джентльмен, растроганный неожиданной и горячей мольбой Оливера, – тебе незачем бояться, что я тебя когда-нибудь покину, если ты сам не дашь повода...

– Никогда, никогда этого не случится, сэр! – перебил Оливер.

– Надеюсь, – ответил старый джентльмен. – Не думаю, чтобы ты когда-нибудь это сделал. Мне приходилось быть обманутым теми, кому я старался помочь, но я весьма расположен верить тебе, и мне самому непонятно, почему я тобой так интересуюсь. Люди, которым я отдал самую горячую свою любовь, лежат в могиле; и хотя вместе с ними погребены счастье и радость моей жизни, я не превратил своего сердца в гробницу и оставил его открытым для лучших моих чувств. Глубокая скорбь только укрепила эти чувства и очистила их.

Так как старый джентльмен говорил тихо, обращаясь скорее к самому себе, чем к своему собеседнику, а затем умолк, то и Оливер не нарушил молчания.

– Так-то! – сказал наконец старый джентльмен более веселым тоном. – Я заговорил об этом только потому, что сердце у тебя молодое и ты, узнав о моих горестях и страданиях, постараешься, быть может, не доставлять мне еще новых огорчений. По твоим словам, ты сирота и у тебя нет ни единого друга; сведения, какие мне удалось получить, подтверждают эти слова. Расскажи мне все о себе: откуда ты пришел, кто тебя воспитал и как ты попал в ту компанию, в какой я тебя нашел? Говори правду, и, пока я жив, у тебя всегда будет друг.

В течение нескольких минут всхлипывания мешали Оливеру говорить; когда же он собрался рассказать о том, как его воспитывали на ферме и как мистер Бамбл отвел его в рабочий дом, раздался отрывистый, нетерпеливый двойной удар в парадную дверь, и служанка, взбежав по лестнице, доложила о приходе мистера Гримуига.

– Он идет сюда? – осведомился мистер Браунлоу.

– Да, сэр, – ответила служанка. – Он спросил, есть ли в доме сдобные булочки, и, когда я ответила утвердительно, объявил, что пришел пить чай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.